

СВЕТЛАНА
ВОРОН

ЧУЖАЯ НЕВЕСТА
ДЛЯ
ДРАКОНА

Светлана Ворон

Чужая невеста для дракона

<https://litres.ru/74204884>

Аннотация

ВЫШЛА В БУМАГЕЯ попала! На необитаемый остров с могучим драконом, ловко орудующим топором. Он клянётся убить моего жениха, но разве сам он годится в мужья? Раскомандовался, будто забыл, что я принцесса и это он должен меня обслуживать! Заставил меня работать, как какую-то безродную девку! Следить за огнем и плести для него корзины, а теперь предлагает еще и самой нырять за уцелевшими после кораблекрушения вещами. У него ведь нет титула! Тогда откуда столько наглости, властности и королевской стати, совсем не подходящей простолюдину? Кто он на самом деле?

♡ решительный дракон, плохо контролирующий свой гнев ♡ тайна его непростого происхождения ♡ нежная и любознательная героиня ♡ приключения и обустройство на необитаемом острове ♡ истинная пара ♡ притяжение и страсть ♡ ХЭ

Все книги драконьего цикла:

Забирайте книгу в библиотеку и наслаждайтесь чтением так же, как я наслаждалась ее написанием!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Неожиданная гостья	8
Глава 2. Враг на пороге	14
Глава 3. Обломки юности	21
Глава 4. Хочешь остаться человеком или нет?!	29
Глава 5. Ревность	37
Глава 6. Чествование жениха	45
Глава 7. Часть команды корабля	53
Глава 8. Клятва	63
Глава 9. Заговор	81
Глава 10. Коварство	94
Глава 11. Драконья кровь	107
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Пролог

В тексте есть:

♡ решительный дракон, плохо контролирующий свой гнев
♡ тайна его непростого происхождения
♡ нежная и любознательная героиня
♡ приключения и обустройство на необитаемом острове
♡ истинная пара
♡ притяжение и страсть
♡ ХЭ

~Велетта~

- Ради всего святого, почему ты не в платье, Велетта? – внезапно прорычал дракон, и от его низкого тембра в моем солнечном сплетении образовался узел.

И снова он пеняет мне за мой наряд. Что же его так задело? Отступив назад, я поправила палантин на сорочке и дерзко задрала подбородок.

- Мое платье никуда не годится, а еще в нем жарко.

- Жарко, - повторил мужчина, не скрывая досады.

Он все время отводил взгляд, и меня беспокоило это. Теперь, когда я вся перепачкалась и перестала походить на принцессу, я его раздражала?

- Дом готов, можешь переезжать, - холодно отчеканил Дархэм и убрал своей громадный топор за пояс.

Бросил на меня внимательный, цепкий взгляд, от которого захотелось съежиться. Могучий, великолепный, с обнаженным загорелым торсом, он говорил со мной так, будто он - король, а я - не принцесса.

- Если хочешь удобств, сама поищи что-нибудь подходящее в обломках корабля.

Его глаза сверкнули из-под сведенных бровей, а выражение лица было таким, словно его терпение на пределе.

Почему он так груб со мной с тех пор, как мы оказались на острове? Он забыл, как выражать почтительность высококородной даме, или я его плохо знала?

Он повел себя дерзко на корабле, да и при первой встрече был не больно-то уж любезен.

Я тогда списала это на шок от моего появления. Но теперь

начинала понимать, что таков просто его характер.

Ох, не зря Леура называла его нелюдимым, равнодушным и отчужденным. Я бы еще добавила, что он властный, самоуверенный и даже слегка высокомерный гордец.

Он заставил меня работать, будто какую-то девку с улицы! Следить за огнем и плести для него корзины, а теперь предлагает еще и самой нырять за уцелевшими после кораблекрушения вещами? Ни единожды повторил, что я должна многое делать сама. Вел себя как наставник, поучающий нерадивую ученицу, и раздражался по необъяснимой причине. За что он со мной так?

Что будет дальше? Я стану ему прислуживать?! Я, принцесса, подчинюсь распоясавшемуся матросу?! Он задумал перевоспитать меня, превратить в ровню себе - простолюдинку?!

Но в это мгновение ничто не могло испортить мне настроение.

- Прежде всего я хочу смыть с себя соль, - заявила я, направляясь к реке. Я мечтала погрузиться в прохладу и избавиться от ощущения неприятного пощипывания.

- Не думаю, что это хорошая идея, - образовался за моей спиной Дархэм, когда я подошла к бурному потоку, стремительно мчащемуся по острым камням. - Кроме того, что течение слишком сильное, здесь могут водиться черви, змеи и даже наверняка крокодилы. И пить ее, - поймал меня мужчина за плечи, когда я невольно отшатнулась от берега, и прижал к себе. Ладони скользнули по рукам и обхватили запястья, - я тоже не советую.

Его губы шевелились слишком близко, лицо прижалось к моей щеке, и мое дыхание сбилось с ритма. Сердце отчаянно заколотилось, с головы до ног окатил жар, а колени стали неустойчивыми и слабыми.

Все тело будто горело. А кожа покрылась пупырышками, будто я мерзну. Внутри разливалась лихорадочная дрожь...

Глава 1. Неожиданная гостья

~Дархэм~

(главы от лица героя и героини будут чередоваться, сюжет не повторяется)

Болтовня горожан, торгашей, ремесленников, многочисленных прачек, пекарей, дурачащихся детей, матерей и их самодовольных мужей внезапно стихла, что случилось на нашей узкой улочке редко.

С привычным мне звериным чутьем я тут же убрал ногу с педали, позволяя станку замереть. Отшлифованная деревянная чаша, уже похожая на одну из тех кухонных вещей, что хозяйки покупали у нас в охотку, еще не была готова, чтобы передать ее матери на роспись.

Я застыл, удивленно вслушиваясь в опустившуюся тишину, прерываемую лишь редким словом горожан и нежной поступью именитой гостьи, шаги которой я не спутал бы ни с чьими другими.

Мое сердце внезапно заколотилось в четыре раза сильнее,

пробуждая внутри сильнейшую волну жара, когда я повернул голову и убедился, что интуиция меня не обманула.

Велетта собственной персоной явилась сюда, на самую непопулярную для знати улочку Блэнхейма, где в уродливых, растущих прямо друг на друге домах ютились всякого рода таверны, лавки да магазинчики.

Облаченная в простое светлое платье с неброской золотой вышивкой, с заплетенными в тугую косу белокурыми волосами, она изящно вышагивала по грубому мощению, плавно покачивая бедрами и укрываясь от яркого солнца под летним зонтиком.

Рядом с ней подобострастно семенили слуги и важно вышагивали телохранители, не понимающие, чего это хозяйке вздумалось отправиться в бедный квартал.

Простолюдины же, потрясенные появлением самой дочери короля, почтительно опускали головы.

Я был так уверен, что Велетта пройдет мимо нашей скромной мастерской, что забыл поклониться, когда девушка, аккуратно сложив зонтик и отодвинув тонким пальчиком

деревянные побрякушки на входе, вошла внутрь и со сдержанным любопытством огляделась.

Лишь когда мой приемный отец Булвер, находившийся у станка, стал нашептывать все нервнее и быстрее об уважении к будущей королеве, я неуверенно кивнул. Понимал, что в этом жесте слишком много пренебрежения, но будто позабыл о хороших манерах.

На наше счастье, принцесса не придавала значения несоблюдению этикета, обратившись ко мне просто, без высокомерия.

Ее белокожие щеки при этом запылали ярким румянцем, зажигая в моем сердце невольный ответный огонь, а глаза цвета августовского моря, светлые бирюзово-зеленые с золотыми лучиками, сияли как два маленьких солнца на прекрасном и юном лице.

- Моя служанка похвасталась кулоном, который для нее сделал ты. Работа потрясающей красоты. Ты настоящий мастер, - проговорила принцесса нежным, ласкающим слух голосом, и мурашки побежали вдоль всей моей спины.

Велетта протянула мне кусок мачты, в котором я тут же узнал редчайшую в наших краях древесину, произрастаю-

щую только на некоторых островах.

- Мне нужна новая шкатулка. Возьмешься?

В момент, когда пальцы красавицы случайно коснулись моей огрубевшей ладони, огненный язык прожег кожу насквозь и наполнил сердце жидкой лавой. От неожиданности у меня участилось дыхание.

Я опомнился только после испуганного хлопка отца, удивился лишь тому, что принцесса сама не отдернула руку.

Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, словно тоже попала под влияние какой-то необъяснимой магии, и ее сильные чувства совпадали с моими. Мы оба были немного потрясены.

Ой ли? Ведь на самом деле я не мог знать, о чем она думает.

С высоты моего роста девушка казалась маленькой и хрупкой, но ее власть почти равнялась королевской. Она могла сурово наказать любого, чье поведение покажется ей неуточивым, несмотря на то, что слыла доброй и не заносчивой.

- Дракайна теонская, - перевел я внимание на обломок, побывавший в морском сражении и не переживший его. – Невероятно прочное дерево. Говорят, - провел я пальцем по золотой сердцевине, - внутри заключена частичка магии. Может быть поэтому дракайна не горит, даже если кинуть ее в костер. И не тонет, даже напивавшись водой.

- Кораблю это не помогло, - расстроено покачала принцесса головой. – Ядра оказались посильнее огня.

- Это и неудивительно, - согласился я, гадая о принадлежности судна, занесенного так далеко от дома. – Дракайна растет в труднодоступных местах и зачастую не прямым стволом, так что умельцы рубят ее на щепы, а затем прессуют. Даже и тогда, закаленная огнем и морской солью, она прочнее любого другого дерева, но корабль целиком из нее не построишь. В основном ее пускают только на мачты.

Велетта кивнула так, словно поняла все, что я сказал, и была абсолютно согласна со всеми моими предположениями.

Я улыбнулся, довольный произведенным впечатлением: щечки милой девушки все еще рдели, как будто общение со мной ее смущает, или даже оно ей приятно.

Я погладил пальцами рваные края деревяшки, уже представляя, как будет выглядеть конечный результат.

- Принцесса, у вас будет самая красивая шкатулка в Блэнхейме, а может и за его пределами! – пообещал я со страстью.

- Я зайду через несколько дней, - удовлетворенная Велетта взглянула на меня из-под пушистых ресниц, и я задохнулся от божественного сияния ее зеленоватых глаз, обладающих волшебными чарами, не иначе.

Полные губы изогнулись в понимающей, хоть и скромной, улыбке, когда она шагнула назад, подводя черту нашей короткой встрече.

Слуги попятились, освобождая дорогу, телохранители расступились. Горожане с любопытством заглядывали внутрь, вплотную обступив мастерскую.

А я, вновь забыв поклониться принцессе, долго смотрел ей вслед, не в силах отвести взора и сдержатъ жара каждой клеточки: жажды заполучить красавицу в личное владение.

Глава 2. Враг на пороге

~Велетта~

Я была удивлена, найдя отца чересчур серьезным. Заложив руку за спину и чуть наклонившись вперед, он вышагивал по балкону туда-сюда, словно что-то сильно не давало ему покоя.

Король Блэнхейма, облаченный в бордовую, расшитую золотым узором мантию, выглядел сосредоточенным и мрачным.

- Ты звал меня? – спросила я осторожно.

Накануне Блэнхейм посетили гости – обычное дело перед ежегодным турниром, который должен состояться на исходе лета.

На этот раз их было в разы меньше обычного, потому что во время войны мужчинам стало не до праздных развлечений.

Знакомые флаги радовали глаз: это означало, что в тех королевствах пока ситуация спокойная. Другие флаги застав-

ляли насторожиться, потому что под видом друзей в порт могли прибыть и враги.

Например, тот незнакомый фрегат с огромным зубастым черепом на носу, о котором все сегодня только и говорили.

Именно так я размышляла, видя Ренвика таким обеспокоенным.

- Взгляни, Велетта, - подозвал папа к подозрной трубе, стоявшей на трех изогнутых ножках возле перил.

Удивленная и уже почти напуганная, я послушалась.

Труба, обращенная прямоком в море, показала неисчислимую армаду кораблей, покачивающихся на темно-синих волнах. Десятки или даже сотни.

Мое сердце сжалось в предчувствии неминуемой беды. Война и правда уже была на нашем пороге, не спрячешься, не сбежишь.

- Да, - кивнул отец, подтверждая мои самые страшные опасения.

Посеребренные сединой волосы выбились из-под короны

и запутались, а под глазами появились темные круги, словно король не спал всю долгую ночь.

- Кто они? – задохнулась я от волнения, ощущая, как безвозвратно утекает сквозь пальцы юность.

- Князь северных земель, Ванхарел Арангийский, ищет порт в южных морях для гарнизона своих солдат, - сообщил отец, почему-то избегая смотреть мне в глаза. – Если откажем, станем его врагами.

- И как мы поступим? Сдадимся? Или будем сражаться?

Засушливые и небогатые плодородными почвами южные острова обычно не привлекали жадных завоевателей, но все когда-то меняется.

- Наше королевство слишком маленькое, чтобы сражаться, - печально покачал папа головой, и в его взоре, брошенном на меня, застыло горестное прощание. - Мне удалось договориться с Ванхарелом о мире. Он не станет истреблять наш народ, если мы покоримся ему без боя.

- Это ведь... хорошо? – нахмурилась я, не представляя еще, какова цена.

Нам с отцом придется уступить трон и покинуть замок, перебравшись в более скромный дом за чертой города? Или король Ренвик продолжит формально править, но фактически будет подчиняться завоевателю?

- Какое бы решение ты не принял, отец, уверена, оно будет мудрым.

- Чтобы избежать кровопролития и скрепить союз, Велета, я согласился отдать тебя в жены Ванхарелу. Так мы сохраним контроль над нашими землями, - огорошил меня отец шокирующей новостью.

Лишь чувство собственного достоинства и воспитанные с детства манеры помогли устоять на ногах, не позволив коленям подогнуться.

Сердце бешено заколотилось, но разумом я понимала, что это могло случиться в любой момент. Знать нечасто имеет выбор: браки между представителями соседних земель – явление регулярное, многие пары бывают обещаны друг другу даже до рождения.

Но стать женой врага и убийцы? Слухи о завоевателе ходили удручающие: князь северных земель был жестоким и

безжалостным узурпатором, уничтожавшим целые королевства просто потому, что они не покорялись ему сразу.

Я не хотела за него замуж! За кого угодно, только не за него!

В мое солнечное сплетение будто вогнали нож.

- О помолвке объявим завтра, на главной площади для дорогого гостя будет организован праздник, - кивнул отец, подтверждая мои самые глубинные страхи. - А сама свадьба пройдет на родине твоего жениха, в северных землях Аранга. Там вы и будете жить, пока я еще полон сил и могу сам позаботиться о Блэнхейме.

- То есть, мне придется покинуть тебя и родной дом?

Ужасные новости сыпались одна за другой, подготовиться к ним не было никакой возможности, и паника уже завладела мной всецело.

- Твоему будущему супругу нужна гарантия, что я стану сотрудничать.

- Так это не союз, - шокированно выдохнула я. - Я - заложница, чтобы ты беспрекословно слушался.

- Я смог выторговать отсрочку, - проигнорировал король мое тревожное замечание. - Глядишь, Ванхарелу окажется достаточно иметь здесь гарнизон на полном довольствии, и он не станет разорять наши земли. Пока будешь жить в Аранге и ублажать молодого мужа, возьмешь его под каблук и усмиришь жажду наживы. Привыкай к взрослой жизни, дочка. Королевствами зачастую правят вовсе не мужчины, а те, кто стоит за их спиной и действует хитрее.

- Но я не хочу, - умоляла я отца придумать другой выход. – Ты обещал, что я сама смогу выбрать себе мужа, когда придет срок. До ежегодного бала еще несколько месяцев. У меня есть время до тех пор, как посватается первый жених.

- Вот и посватался, - внезапно папа заговорил со мной строго, напомнив о том, что он все же король, и даже любимая дочь обязана ему подчиняться. – Тебя к этому готовили, Велетта. Я и так баловал тебя слишком долго, позволял много того, чего не следовало. Смирись с моим решением, от твоих слез оно не изменится.

- Ты прав, - опустила я глаза, ища в себе силы принять удар судьбы и с достоинством вынести обрушившееся испытание.

Хочу я или нет, моего согласия никто не спрашивал. Отец просто поставил меня в известность, и я должна вести себя как подобает принцессе.

Став королевой, я защищу и остров, и отца, и преданный мне народ. Это была та самая жертва, которую правитель должен заплатить, когда наступает такой момент.

Глава 3. Обломки юности

~Велетта~

На следующее утро из ночного кошмара меня вырвали резкие звуки: тоскливый и отчаянный птичий плач.

Резко сев на кровати, я зябко спустила босые ноги с кровати и вышла на увитый плетущейся розой балкон, чтобы взглянуть, что случилось.

Из моих покоев открывался вид на сад, резную ограду и за ней – ступени, ведущие в лагуну. Я могла рассмотреть отсюда лишь кусочек песчаного пляжа, о который с шумом бились волны.

Обычно этот пейзаж ласкал мой взгляд и приносил покой. Но не теперь. Мысли постоянно возвращались во вчерашний день: к навязанному замужеству, о котором я не хотела даже думать.

Увиденное в волнах жестоко напомнило мне, почему я должна согласиться с решением отца. Белые рваные лоскуты покачивались в прибое, громады обломков принесло к берегу могучей водой. Птицы пикировали сверху. Кораблекрушение?

 - Велетта, ну куда ты собралась с самого утра?!
- накричал на меня папа, когда я выскочила из замка, не удосужившись соблюсти минимального этикета.

Предпочла прогулку разговорам о нашем тяжелом положении и моем послушании.

- Подожди хотя бы Леуру, чтобы сопровождала тебя.

 Моя служанка не успела даже одеться, когда я ускользнула из покоев, стремясь насладиться оставшейся свободой.

- Это королевский пляж, со всех сторон огорожен скалами, мне ничто не угрожает, – схватила я зонтик и поторопилась вон.

О чем я думала, спеша на место гибели корабля? Моей нежной психике не стоило видеть последствия крушения. Кошмары и без того снились мне почти каждую ночь – еще до того, как король продал меня врагу.

Во сне я чаще всего тонула. Намокшее платье становилось тяжёлым и с силой тянуло на дно. А когда мне удавалось ненадолго вынырнуть на поверхность, пенные волны хлестко ударяли в лицо, не позволяя вдохнуть.

 В другой раз я выходила на балкон и с ужасом

смотрела на любимый город, от которого остались лишь руины да кучи дымящегося пепла.

И именно поэтому я хотела оказаться на берегу и убедить-ся, что могу чем-то помочь выжившим, если крушение мне не померещилось.

 Весь пляж оказался усеян обломками. Прилив вытолкнул их на берег и оставил лежать, когда море вновь отошло. Часть вещей продолжала биться и колыхаться в прибое.

 Я медленно бродила среди остатков того, что некогда было красивым кораблем, ища выживших. Но не было здесь ни живых, ни мертвых.

Остались лишь изломанные и обожжённые доски, куски порванных парусов, будто символ моей разрушенной юности.

 Я думала о людях, которые сражались на этом корабле с армией Ванхарела. А может, это и вовсе было торговое судно, но жестокий завоеватель все же напал на него? Погибли матросы или спаслись? Успели пересечь в шлюпки или все утонули?

Когда запыхавшаяся Леура появилась берегу и засеменила ко мне, оставляя на влажном песке цепочку исчезаю-

щих следов, я уже собиралась домой, удрученная собственными мыслями. Подобные кораблекрушения будут происходить каждый день, если я не соглашусь на замужество.

Вряд ли князь откажется от убийств после женитьбы, но он обещал не трогать наших подданных, и ради этого я обязана была смириться со своей участью.

- Что это такое? - с любопытством посмотрела Леура на блестящий кругляшок, который я нашла в волнах и теперь силилась понять его назначение. Красная створка раковины переливалась необычайно ярко, если поворачивать ее под разным углом. - Похоже на... чешуйку дракона, вообще-то.
- Драконов уже лет сто никто не видел, - отмахнулась я. - Всех истребили, когда люди изобрели пушки, способные расправиться с крылатыми чудовищами на большом расстоянии.

- Не сто. Два десятилетия назад видали последнего в восточных водах.

Я позволила себе усомниться.

- Это все выдумки заезжих трубадуров, Леура. Если бы драконы были живы двадцать лет назад, король еще тогда украсил бы главную площадь их черепами.
- Один

был жив точно, - заметила служанка со знанием дела. - Последний. С тех пор он затаился на морском дне. Может, пассажиры корабля его нечаянно разбудили? Это бы объяснило, почему к берегу не прибило тел.

Что ж, эту легенду я слышала, и версия служанки имела право на существование. Только вот никто уже в такое не верил: драконы давным-давно перевелись, а война – это то, на что глаза не закроешь.

Но ведь и правда створка раковины напоминала чешуйку, слишком уж была необыкновенная. Я, по крайней мере, не припоминала, чтобы у наших берегов водились такие моллюски.

- Только вот отверстия в бортах оставлены ядрами, а не драконьим хвостом, - показала я на покачивающиеся в волнах обломки с круглыми пробоинами.

- Ваша правда, - согласилась Леура, возвращая мне блестящий сувенир и с гораздо меньшим энтузиазмом рассматривающая деревяшку, которую я подобрала следом.

Небольшой кусок дерева был словно с вкраплениями золота внутри. Такие я уже не раз находила на побережье, но только теперь осознала, что все они были с разбитых кораблей.

«Самые крепкие мачты делают из дракайны», – так сказал Дархэм. Тот молодой и одаренный резчик по дереву, в чью лавку я заходила несколько дней назад.

Из такого же куска он сейчас вырезает мне шкатулку для украшений. Которую я возьму с собой в чужеземье, - печально напомнила самой себе, не желая ни минуты думать о навязанном войной женихе.

Гораздо приятнее было вспоминать о самом мастере, его ярких синих глазах и необычной манере общения, поставившей меня в тупик с момента встречи. О его подавляющей ауре, будто не сын столяра говорит с принцессой, а я сама явилась на прием к правителю неизвестного королевства.

Королевства деревянных украшений, - посмеялась я над собственными странными измышлениями. Но доля истины в них все же была.

Я совсем не ожидала, что обычный резчик по дереву окажется настолько статен и красив. Он поразил меня каждым словом и действием, и с той минуты я не переставала о нем думать.

Вот что меня удивило: в нем совсем отсутствовало подобострастие, присущее простолюдинам. С первой же минуты

о него веяло необъяснимым величием.

Горделиво поднятая голова, глубокая уверенность в себе, которую можно сравнить разве что с королевской. Все это характеризовало его как мужчину, привыкшего повелевать, а не подчиняться.

Его внешность оказалась так же необыкновенна, как и изделия, выходившие из его рук. Высокий, могучий и широкий в плечах, он был похож на атланта, ненадолго спустившегося с небес, чтобы впечатлить меня.

«Он ни на кого не смотрит! Соседские девушки и рады бы привлечь его внимание, но парень слывёт нелюдимым и чересчур серьезным, не чета местным ловеласам», - так мне описала его Леура, когда предложила обратиться в лавку столяра.

Равнодушие и отчуждённость красивого юноши сильно задела ее чувства.

Теперь я и сама понимала, отчего моя служанка по нему сохнет. Но он не показался мне угрюмым и необщительным, даже наоборот.

С первой секунды он смотрел на меня так, будто мы на-

ходимся на равных, и он вот-вот решит приударить за мной. Он не отводил глаз. Это смущало... и завораживало одновременно.

Как забыть об этом? Как перестать думать о нем? Как разгадать тайну его личности, если мы никогда больше не увидимся?

Ну, может только один раз...

Если он успеет сделать шкатулку до моего отъезда, то в далекой заморской стране я буду вспоминать родной край, разглядывая узоры на дереве, таком же прекрасном и редком, как он сам.

Глава 4. Хочешь остаться человеком или нет?!

~Дархэм~

- Не твоего поля ягода, и думать о ней забудь, - резко оборвал отец мои мечты, как только шаги обольстительной красавицы стихли вдалеке, и шлейф тонкого женственного аромата перестал щекотать мои ноздри, пробуждая внутри что-то звериное.

Отец уставился на меня с искренним негодованием, которое даже не скрывал. Он от души двинул бы мне подзатыльник, да только уж года два как был на две головы ниже меня. Да и я давно вышел из возраста наказаний.

Наши соседи шептались, передавая из уст в уста сплетню, наверняка уже обрастающую преувеличенными подробностями о том, как сама принцесса почтила своим сиятельным присутствием столярную мастерскую. Они посматривали на нас, лица были налиты завистью.

Я поднял к глазам кусок мачты, благоговей от мысли, что дерева касались пальцы Велетты. И мое сердце вспыхнуло

ВНОВЬ, КОГДА Я ВСПОМНИЛ, КАК ЕЕ ПАЛЬЦЫ КОСНУЛИСЬ МЕНЯ САМОГО...

Что это было? Почему до сих пор болит в груди, ноет, словно душе стало в ней тесно? Я никогда прежде не реагировал так на девиц, даже если они со мной откровенно заигрывали и хватали за разные части тела.

Как объяснить искру между мной и Велеттой, которая подожгла пылающий костер моих желаний? Мне ведь не помешало, что принцесса ощутила то же невероятное притяжение, что и я? Если б не вмешался отец, неизвестно, к чему бы мы пришли.

- Я завоюю ее на ежегодном турнире, - поклялся я неистово. – Если смогу одержать безусловную победу, король выполнит любую мою просьбу без ограничений. И это будет Велетта, я возьму ее.

- Откуси свой язык, наивный мальчик, - понизив голос, Булвер схватил меня за локоть, принуждая слушать. – Тебе не позволят победить в турнире. Титулованные принцы и самодовольные рыцари посчитают это оскорблением. С того момента не будет тебе пощады. Ты не сможешь одолеть всех.

- Ты сомневаешься в том, что у меня хватит сил? – с юно-

шеской горячностью, которую едва ли начал изживать, ударил я себя в грудь, отозвавшуюся звуком несокрушимой брони, такими крепкими были моя кожа и кости.

Не то чтобы я часто дрался. Но разве он не знает, что я как минимум вдвое сильнее любого, кто бросит мне вызов?

- Ты знаешь: тебе нельзя сражаться, - ворчливо напомнил отец, возвращая меня с небес на землю. – Хочешь остаться человеком или нет?!

Он выпустил мою руку и вернулся за станок: ремесленникам приходилось постоянно трудиться, чтобы свести концы с концами. Принцесса щедро заплатит за шкатулку, но и другие заказы следовало выполнить в срок.

- Я умею владеть собой, - нахмурился я, сжимая могучий кулак и силой воли возвращая утраченное спокойствие.

Сделать это оказалось непросто: на руке все еще горел след от прикосновения, будто принцесса оставила там физический отпечаток огнем.

Вернувшись за свой рабочий стол, под разными углами я рассмотрел дракайновый кусок, выбирая, с какой стороны начать обточку.

Сосредоточиться мешало лицо Велетты, застывшее перед мысленным взором, самое прекрасное на всем белом свете. С молочной кожей и румянцем на гладких щеках. С глазами цвета августовского моря, наполненными обещанием.

Мечты уносили меня вперед, на ежегодный боевой турнир, когда в Блэнхейме соберутся все воины соседних королевств, чтобы померяться силами. Победитель получит все, что попросит.

Конечно, в желаниях стоило соблюдать меру. Невыполнимые просьбы частенько приводили к кровопролитным войнам между королевствами.

Но я мечтал лишь о девушке – не о чьих-то землях.

Король Ренвик вряд ли сулил в мужья любимой дочери сына столяра, но у меня был достойный план, чтобы возвыситься.

Просить руки Велетты на виду у десятков рыцарей и тысяч горожан было бы крайне неразумно.

Но я ведь мог пожелать всего лишь титул и землю, а уж после этого попросить руки принцессы. В обстановке приват-

ной и располагающей, после того как вниманием и настойчивостью завоюю ее невинное сердечко, не раньше.

Впав в задумчивость, я чуть было не пропустил мимо ушей очередную тираду отца об осторожности и сдержанности.

Я был и останусь в этом городе чужаком, хотя выросл вместе со всеми.

Даже без тайны своего рождения я отличался от здешних жителей ростом и цветом волос, шириной плеч и огромной силой, которую приходилось прятать, чтобы не привлекать лишний раз внимание.

Казалось бы, уж давно прошли времена, когда соседи шептались, провожая взглядом бегущего вместе с другими крупного русоволосого мальчишку. Сплетничали, от кого нагуляла ребенка плетенщица Инсика, жена Булвера.

Но и по сей день я ловил иногда косые взгляды, когда нес слишком большую связку дров, или поднимал переполненную тяжелую корзину, или отправлялся в лес с висящим за спиной изогнутым топором – шедевром местного кузнеца.

Оружие было достойно громадного орка, а не тщедушно-

го человека, но я не чувствовал его веса никогда. В моей ручище топор становился игрушечным.

К счастью, жители Блэнхейма за особенностями моей чужеземной внешности не видели настоящую суть. Если б они догадались, чей в действительности я сын, то давно прогнали бы меня из города или, что вернее, убили.

О том и выговаривал мне сейчас отец, призывая вести себя тихо и незаметно, и жить при этом спокойной, размеренной жизнью, которой хотела для меня моя настоящая мать.

- Достаточно того, что ты отличаешься от большинства блэнхеймцев на вид, но если выйдешь на арену, беды точно не миновать! – ворчал Булвер, не переставая. - Среди знати будет присутствовать множество стариков. Могут найтись и те, кто вспомнит прежние охоты за чудовищами и поймет, откуда в молодом теле кроется столько силы. Тогда не избежать тебе верной смерти, да и твоей семье заодно, потому что приютили и вырастили тебя среди нам подобных. Не говоря уж о том...

Я загодя знал все, что он скажет. Эта беседа случалась уже не впервые.

Всякий раз, когда я выходил из себя, это не оставалось без

последствий. Гнев или боль, азарт или страх, - все, что я испытывал чрезмерно, отнимало частичку моей человечности и на шаг ближе приближало к зверю.

Мой рост, мои внушительные мускулы, - я мужал быстрее, когда поддавался сильным чувствам.

«Настанет день, - говаривал отец, - и мы потеряем тебя, потому что ты окончательно превратишься в монстра. И обратного пути для тебя уже не будет».

- Выбери девушку с нашей улицы, попроще да поглупее, чтобы много не думала, даже если что лишнее заметит, - внушал заботливо Булвер, стараясь меня образумить. – Вон, дочка булочника глаз с тебя не сводит. Женишься – и люд отстанет от тебя, наконец.

- Да она смотрит так на каждого, - передернул я плечами при одном воспоминании о круглолицей Гретхе, не способной войти ни в одни двери. – И я не люблю ее!

- В том и смысл, - щелкнул пальцами Булвер назидательно. – Ты должен оставаться спокойным, а любовь – это то, что наверняка тебя погубит.

- Я не верю в это, - покачал я головой, не желая отказы-

ваться от мечты.

Любовь зажглась и теперь горела в моей груди, наполняя ее живительным теплом. Разве может что-то настолько чудесное и приятное нанести вред? Это ведь не гнев.

Связать свою жизнь с нелюбимой женщиной только ради того, чтобы не выделяться среди других: мне такое претило. Осторожничать, уступать, прятать суть только потому, что я отличаюсь – в этом счастья нет.

Почему отец не верит, что я смогу остаться человеком, испытал любовь? Я пока не чувствовал в себя никаких новых изменений.

Ну, разве что огонь в моей груди ширился и рос, тесня изнутри...

- Ты знаешь: я прав, - проворчал отец, будто отвечая на мои мысленные сомнения.

Глава 5. Ревность

~Дархэм~

Злые языки сплетничали, что в Блэнхейм прибыл претендент на руку и сердце Велетты, но я отказывался в это верить.

Неужели я даже не успею побороться за сердце принцессы наравне с другими мужчинами? Неужели ее отнимут у меня раньше, чем я использую свой шанс на турнире?

Раскрутив в руке топор, я остервенело метнул его в бук, находящийся на расстоянии двух сотен локтей. Звонко вибрируя, лезвие вошло до рукояти, распоров кору прямо посередине ствола.

Только в лесу я мог не притворяться, вымещая ярость на несчастном дереве и отпуская контроль. Грудь жгло огнем, мышцы наливались необузданной силой, которую я подавлял в черте города. Хорошо, что сейчас меня не видел отец...

Неторопливо шагая за топором, я рассеянно оглядывал белоснежный хребет скалистых гор да густые заросли инанги на крутом склоне, откуда раздавались непрекращающиеся крики птиц и зверей.

Когда-то давно именно здесь Инсика нашла меня: плачущего новорожденного младенца, укутанного в обгорелую тряпицу и спрятанного в корнях раскидистого дерева. С тех пор Инсика стала мне матерью, а Булвер – отцом.

Я не жалел о выпавшей доле: уж лучше расти среди людей, чем стать тем, кем мне было определено еще при рождении.

Я искренне старался оправдать чаяния родителей. Хотя порой и злился, как сейчас, когда понимал, насколько мир несправедлив, и мне в который раз придется наступить на горло амбициям и смириться с малым.

От нового броска еще один бук почти раскололся надвое, а я схватился за голову, закрыл глаза и глубоко задышал, обуздывая распирающую изнутри силу.

Отец был прав: любовь делала меня безумным, неосторожным и опасным.

Я должен забыть принцессу, если хочу и дальше жить среди людей. Я должен вернуться засветло, сдавшийся и спокойный, чтобы порадовать верящих в меня, оберегающих, любящих родителей.

Уткнувшись лбом в разломанный ствол, я впитывал запах густой смолы и мысленно молился богине леса. Просил прощения за причиненный вред, искал у природы силу и дальше бороться за свой выбор.

Затем подхватил связку коряг, которые позднее превратятся в красивые поделки, и бодро зашагал домой.

Гадал, успею ли повидать принцессу Велетту еще хоть раз, или она отплывет, в предсвадебной суматохе позабыв о заказанной шкатулке.

Каково же было мое потрясение, когда в глубине мастерской я заметил точеную женскую фигурку еще с порога. Отец суетился вокруг посетительницы, услужливо улыбаясь и преданно заглядывая ей в глаза.

Даже без свиты и грозных телохранителей, даже одетую в простой темный плащ, прячущий дорогое платье, я узнал принцессу, и мое горячее сердце пустилось вскачь. От радости, что я вновь загляну в необыкновенные глаза, и от злости, что чуть не пропустил встречу, потому что мне приспичило поразмяться.

Красавица обернулась, услышав мои шаги, и вновь я пораженно застыл, забыв поклониться или хоть как-то про-

явить уважение.

В руках у Велетты лежала готовая шкатулка, лучшая из всего, что я когда-либо вырезал. Лицо девушки светилось истинным восхищением, и это была лучшая плата за мои старания.

Нежная кожа на ее щеках вдруг окрасилась румянцем, а в зелени глаз замерцала настоящая радость, как будто принцесса не просто так задержалась здесь. Она поджидала меня.

Она быстрее обычного прошла вперед, улыбаясь открыто и искренне. Ей пришлось задрать голову, так я был высок.

На этот раз я опомнился чуть быстрее – благодаря грозному предостережению отца, - и склонил голову перед дочерью короля, как и подобает.

- Она прекрасна! – Велетта остановилась слишком близко, словно позабыла о своем положении и обращалась ко мне на равных.

Ее светло-золотистые кудри сегодня были распущены по плечам, лишь у висков закреплены заколками с изумрудами – мода, сделавшая принцессу почти неотличимой от простых горожанок.

Это взволновало меня безмерно, возрождая надежду на то, что мои чувства могут оказаться взаимными. Будь у меня время, конечно.

- Ты сотворил чудо, – бормотала Велетта восторженно, как получивший подарок ребенок. – Из куска мачты всего за один день ты создал такую невероятную красоту.

В ее руках отшлифованная деревянная безделица переливалась золотом на свету, на крышке я идеально вырезал герб Блэнхейма.

- Ты не поставил подпись мастера, - улыбнулась Велетта, возвращая шкатулку мне и словно не замечая, в какое замешательство приводит меня своей чрезмерной близостью.

- У меня нет подписи, - смутился я, неуверенно принимая изделие так, чтобы невзначай вновь коснуться шелковистой кожи принцессы.

И в этот раз меня тоже прошибло огнем насквозь, словно прямо в сердце вонзилась пылающая стрела. Случайность была исключена, но я все равно хотел испытать эту сладкую боль снова, даже если потом все закончится.

- Сделай ее для меня, - щеки красавицы заалели сильнее, будто мой жар проник и в нее, но присутствия духа она на сей раз не потеряла. — Я хочу увезти с собой частичку Блэнхейма, как напоминание о доме.

Слова об отъезде отрезвили меня лучше ушата воды, и я, нахмурившись, опустил глаза, не желая видеть в глазах Велетты радость — теперь я был уверен, что она предназначалась не мне.

Конечно же, королевская дочь радуется замужеству, а я — всего лишь наивный и глупый мечтатель, клепающий милую утварь.

Схватив нож, я коряво изобразил на дне шкатулки витиеватую букву «Д» и отдал принцессе немедленно, теперь желая одного: чтобы она ушла поскорее. Видеть ее счастливой, если не я — причина ее хорошего настроения, мне как-то расхотелось.

Она улыбнулась шире, но почему-то выглядела при этом немного грустной.

Все это время отец наблюдал за нами чересчур внимательно и напряженно, и я предвидел новый ворчливый разговор.

- Спасибо, мастер, - поблагодарила Велетта, забрав изделие и натянув плащ поглубже на голову, чтобы скрыть лицо.
— Я буду помнить тебя.

Я застыл, от шока не в силах проронить ни слова. Что она такое сказала?..

Прижав шкатулку к груди, принцесса изящно обогнула мою неповоротливую фигуру и покинула мастерскую, мягко топая каблучками.

Как только ее шаги затихли вдали, Булвер потряс передо мной парчовым мешочком, набитым золотыми монетами.

- Вот это дела: отвалила сотню голденов за такую мелочь. Нам хватит на новые инструменты, отремонтировать крышу и штанов пошить, это ли не везение?

Слишком погруженный в себя, я не слушал отца, и моя прострация ему ой как не понравилась.

- Я бесконечно рад, что она уплывает, - поморщился Булвер, прибирая заработок в укромное место под половицей. — Ее замужество вернет тебе рассудок.

- Ты слышал, что она сказала? — выдавил я с трудом, как

будто горло вдруг стало сухим и раскаленным, таким сильным было волнение. - «Я буду помнить тебя»...

Слова принцессы медовой патокой разливались по ушам. Они ведь значили, что вовсе не жених ей дорог, верно? Это были слова надежды.

Если я и считал минуту назад, что должен забыть принцессу и стать примерным сыном, то теперь во мне снова махровым цветом распускалась мечтательность.

- Корабль отплывает на днях. Я попрошусь на него!

Глава 6. Чествование жениха

~Велетта~

Я места себе не находила. Нервничала так, что из рук все вываливалось.

Мой жених – адмирал вражеского флота, человек, покоривший и разрушивший сотни королевств. Князь Аранга шел по головам, чтобы получить больше земель, больше власти. Будет ли такой муж хоть немного добр ко мне?

Я очень сомневалась в этом.

С самого утра на главной площади собирался народ в ожидании праздника.

Торговцы, воспользовавшись шансом, организовали ярмарку. Танцовщицы, певцы и циркачи спонтанно выступали, веселя знать и зарабатывая шляпой.

Улицы наполнил веселый люд, не подозревающий, какой ценой избежал кровопролитной войны. Вскоре половину домов займут солдаты-чужестранцы, и весь город будет превращен в их гарнизон.

Ванхарела, «благодетеля и защитника» Блэнхейма, готовились встретить почестями и роскошным пиршеством.

Ну, а я относилась к ситуации совсем по-другому. Ванхарел Арангийский был и останется в моих глазах жестоким убийцей и поработителем. И я совершенно не хотела выходить за него замуж.

Мое сердце было беспокойно не только поэтому. В воспоминаниях постоянно всплывало лицо Дархэма, я не могла выбросить его образ из головы, даже когда спала. Занималась ли я своими делами, переживала о замужестве или примеряла платье, обедала ли с отцом, гуляла, радовалась или сердилась, я думала о могучем резчике.

А сейчас мне нельзя было отвлекаться на такие мелочи. Отец ждал моего появления, чтобы вместе отправиться на площадь.

Одетая в самое лучшее и яркое платье, с уложенными красивыми кольцами белокурыми волосами, украшенными рубиновой диадемой, я готовилась впервые увидеть будущего мужа на сцене, как и все.

Я даже не знала, молод он или стар, приятен или проти-

вен. Дорогой гость не спешил познакомиться со мной, хотя, по словам отца, моя ослепительная красота сразила его сразу, едва он увидел мой портрет на стене.

Только благодаря этому Ренвику удалось заключить с Ванхарелом столь выгодный мир.

Фанфары известили честной народ о появлении королевской семьи, когда мы под руку с отцом вышли из дверей и степенно спустились по широким ступеням, украшенным красной ковровой дорожкой прямо до места сбора.

Король Ренвик, как и всегда, был встречен радостными криками и звонкими аплодисментами – папа справедливо правил, простые люди его любили.

Не облагал чрезмерно налогами, прислушивался к настроениям. Какой станет теперь жизнь этих доверчивых людей?

Ступая по истертым до блеска плитам постамента к трону, я рассеянно осматривала ликующую толпу. До тех пор, как мой взор безошибочно не зацепился за светлое пятно, возвышающееся над остальной качающейся массой темных голов.

Жители южных островов, таких как Блэнхейм, рождались с черными или каштановыми волосами, редко у кого встречался даже темно-русый. Я была едва ли не единственной обладательницей светлых волос, которые достались мне от матери-северянки.

Но этот резчик по дереву поразил меня еще в первую встречу: его буйные, упрямыми кудрями лежащие на плечах русые волосы отливали голубоватым сиянием на определенном свете. А ярко-синие глаза, казалось, горели изнутри медленным пламенем и были так не похожи на простые карие, зеленоватые или темно-серые глаза блэнхеймцев.

Сын столяра, к тому же, был выше на добрую голову любого живущего здесь мужчины, и так широк в плечах, что смог бы поднять руками целый дом.

Я не могла взять в толк, как такой огромный, кажущийся неповоротливым человек мог столь виртуозно управляться с долотом и деревом и создавать столь удивительно миниатюрные и филигранные вещи.

В задумчивости я и не заметила, что долго, слишком долго разглядываю простого, бедного ремесленника, выделив его из всей толпы.

Он не кричал, не прыгал и не хлопал в ладоши, как остальные горожане, приветствующие королевскую чету. Не улыбался и не свистел. Но стоял, словно большая нерушимая скала, игнорируя движение вокруг себя людской массы. И смотрел на меня в ответ, разумеется.

Слишком поздно я осознала неловкость момента и отвернулась, чувствуя обжигающий огонь стыда на своих щеках.

К счастью, моего смущения никто не заметил, а если и увидел, то списал на полуденную жару, от которой не было спасения даже под пологом, или на волнение перед встречей с женихом.

Потрясенная своей необъяснимой одержимостью Дархэмом, сыном столяра, я не сразу заметила Ванхарела Арангского, который уже стоял рядом с тронном и протягивал мне руку в почтительном приветствии.

Когда я подала ему свою, он немедленно оставил на ней влажный поцелуй.

Мои мысли все еще витали вокруг резчика, ярким пятном выделяющегося среди однородных горожан, и я с трудом могла сосредоточиться на мужчине, собирающемся стать мне мужем.

Коренастый и невысокий, любому он внушил бы страх своим обликом, который без преувеличения можно было назвать опасным.

Спутанные рыжеватые волосы идеально забраны в тугой хвост, темные глаза хитро сверкали из-под густых бровей. Плутовства заостренным чертам лица придавал узкий нос, аккуратно постриженная борода и соединяющиеся с ней тонкие усики.

Он оказался не молод и не стар – лет около тридцати пяти. Не красив и не уродлив, но, безусловно, незабываем.

Резкие движения и скоро произнесенная фраза на непонятном языке сделали его похожим на хищную птицу, собирающуюся спикировать на добычу. Но во взгляде при этом читалось несомненное восхищение.

- Вы прекрасны, моя дорогая, - добавил жених на блэнхеймском наречии, демонстрируя подготовленность к встрече и острый ум.

А затем щелкнул пальцами, и во вспышке как по волшеб-

ству возник красный цветок, которого на своем острове я никогда прежде не видывала. Мой жених, оказалось, был еще и магом.

- Спасибо, - поблагодарила я скромно и поспешила отнять руку, которой было не очень комфортно находиться во власти чужака.

Цветок принимать не стала, но, скорее, из-за рассеянности, чем из-за невежливости или страха.

Усевшись на трон с правой стороны от отца, я потеряла интерес к арангийцу сразу, как только он исчез из моего поля зрения, и вернула взор толпе. Но Дархэма в ней, увы, уже не было.

И в это мгновение со мной что-то произошло. В сердце вспыхнула резкая боль, буквально разрывая его на части.

Будто вместе с уходом Дархэма связь с моим родным домом оборвалась, жестоко напоминая, что моя жизнь отныне мне не принадлежит, и моя юность и свобода проданы человеку, которого я совсем не знаю.

Детство, мечты, привязанность и любовь – все это пора оставить в прошлом и ступить на тяжелый путь взросления,

к которому я не была готова.

Глава 7. Часть команды корабля

~Дархэм~

Запрокинув голову и прикрыв ладонью глаза от слепящего солнца, я смотрел на флагманский корабль короля Ренвика, снаряжаемый в долгий морской путь.

Тонкие мачты величественного фрегата, казалось, пронзали небо. Чайки с криками летали вокруг, мечтая о выброшенных за борт объедках. А волны, размеренно бьющие в деревянный борт, раскачивали судно и заставляли его протяжно скрипеть.

Соленый запах колюче щекотал мои ноздри, придавая какой-то особой силы, будто своей мне было недостаточно. А маленькие брызги, попадающие на меня с каждой новой волной, обжигали кожу так, словно вода состояла из крошечных раскаленных иголок или даже из самого огня.

Я даже опустил глаза и взглянул на свои руку, ожидая увидеть ожог и невольно вспоминая старые, ничего тогда не значащие слова отца о том, что мне стоит держаться от моря как можно дальше.

Может, в этом был какой-то тайный смысл? Может, это все же не было просто страшилкой, рассказанной сыну для того, чтобы не помышлял оставить родителей одинокими.

Но все было чисто. Моя рука не горела, не покрывалась краснотой. Мне это мерещилось – с непривычки.

Все потому что, несмотря на то, что мы жили на острове, я проводил все свое время в лесу или в городе, и никогда не бывал на побережье так близко от полосы прибоя.

Проворные матросы тем временем сновали мимо меня туда-сюда, перекрикивали друг друга и таскали грузы.

- Навались! – раздался совсем рядом сердитый окрик, сопровождаемый звонким щелчком кнута и дружным кряхтением.

Шестеро плохо одетых портовых рабочих на пределе сил, плечами толкали огромный тюк наверх, где с борта судна тянули его за канаты еще четверо.

- Эй, ты чего стоишь! А ну, пособи! – На сей раз окрик предназначался мне, и выглядел надсмотрщик так грозно, будто следующим его действием станет направить кнут на меня.

Лучше бы он этого не делал. Вот что тогда случится: грубиян вместе со своим смешным орудием принуждения отправится кормить рыб.

Но я не должен был смотреть свысока на людей, даже на таких ущербных, как этот облеченный минимальной властью боцман.

Я должен помнить, кто я: простой резчик по дереву, не имеющий перед другими какого-либо превосходства. Даже если порой кажется, что дремлющая во мне сила дает мне какие-то особенные права.

Перехватив поудобнее перевязь на спине, с аккуратно обернутыми материей необходимыми в пути вещами, я неохотно выдвинулся на подмогу.

Нескольким рабочим пришлось уступить мне место: шириной плеч я один заменял сразу двоих.

И дело пошло скорее: р-раз, и тюк легко поднялся на три локтя, освободив истощенных матросов от тяжелой работы. Еще рывок, и тюк перевалился через борт, едва не придавив тех, кто успел отскочить.

- Кто такой? – сурово обратился ко мне надсмотрщик, нахмутив брови и сложив губы в тонкую, недовольную линию.

Маленькие глаза на потном лице блуждали по мне оценивающе, словно торговец выбирал товар на рынке.

Скрипнув зубами, я напомнил себе мысленно, что это цена, которую мне придется заплатить, если хочу оказаться ближе к Велетте.

- Дархэм, лесоруб, сын столяра.

- Пойдешь на корабль, Дархэм? – смекнул, наконец, боцман, что привлек к работе постороннего человека. – Нам нужны сильные руки.

Вот и шанс, которого я искал. Вместо того чтобы проникнуть на борт тайком, я мог официально устроиться на него матросом.

- Пойду!

Отец и мать, узнав о моем намерении покинуть родной остров, чуть ли не силой удерживали меня дома.

«Любовь погубит тебя, сынок, - рыдала Инсика, уговаривая меня отказаться от безрассудства. – Твоя мать, защищая тебя от страшной участи, пожертвовала собой! А ты собираешься подвергнуть свою жизнь опасности, предав память о ней. Опомнись, Дархэм, принцесса все равно не станет твоей, но любовь к ней усугубит твое состояние».

«Я справлюсь, ма», - спорил я, бережно упаковывая в дорогу любимый топор, хотя и понимал, что на корабле он вряд ли мне понадобится.

Зато потом, когда можно будет вызвать на поединок мужа Велетты и избавиться от него раз и навсегда – очень даже.

«Недаром твоя мать просила никогда не подпускать тебя к океану ближе ста локтей, - напомнил Булвер. – Что если ты обернешься прямо на корабле»?

Я должен был признать, что морская вода, попадающая на мою кожу, вызвала странные ощущения. Но я совсем не чувствовал того, о чем говорит отец.

Вода обжигала, будто была моим врагом и хотела нанести вред. Но не пробуждала чудовище, вызревающее во мне еще с рождения.

«Я до сих пор не прошел инициацию до конца и не собираюсь этого делать впредь. Все будет хорошо, па, поверь мне. Я давно научился себя контролировать».

Сколько раз соседские мальчишки задирали меня, пока я не перерос их на целую голову. Мне хотелось ударить их в ответ, но я не делал этого, даже будучи пацаненком. Знал: если не рассчитаю силы, могу и убить.

«Не нравится мне твоя затея, - устало покачал Булвер головой, наблюдая за моими решительными сборами с безграничным сожалением. – А вдруг морской дракон тебя почувет?»

«Морского дракона никто не видел уже почти сто лет, - пожал плечами я. – Да и на берегу я не раз бывал, даже по воде ходил. Если б дракон был жив, еще тогда выполз бы со мной сразиться».

«Не шути над святым, Дархэм, - строго оборвал отец мое самоуверенное бахвальство. – Ты был слишком молод, чтобы представлять угрозу для дракона и пробудить его от векового сна. Но теперь, когда ты преодолел рубеж совершеннолетия, он не станет ждать».

«Я не собираюсь дразнить морского дракона, – возразил я, вешая перевязь через грудь за спину с твердым намерением поставить точку в споре. – Но я отправляюсь за Велетой. Мне больно вас расстраивать, но мое решение останется неизменным».

В жизни мужчины однажды наступает момент, когда родители утрачивают безусловный авторитет, а повзрослевший ребенок выбирает собственный путь, пусть даже тот будет полон ошибок.

Мой путь отныне совпадал с путем принцессы.

«Пусть идет, - утомленно опустила Инсика на стул, прощаясь печальным взглядом. – Нашему сыну было уготовано великое будущее, и мы не в силах уберечь его от этой судьбы. Такого сильного зверя в клетке долго не удержишь. Что бы мы ни делали, Булвер, магия настигнет Дархэма, здесь или в море, все равно. Большому сердцу нужен простор, а выбор свой он уже сделал. Сын самого могущественного из всех драконов не сможет всю жизнь прожить вполсилы, прячась от людских очей, муж мой. Отпусти его».

И вот теперь я оказался на шаг ближе к своей мечте, встре-

тив первое свое утро вдали от берега.

Проснувшись до восхода солнца, я вышел на палубу, чтобы надраивать ее наравне с другими матросами. С восторгом вдыхал свежий встречный ветер и наслаждался плавным покачиванием корабля на покатых волнах.

Соленые брызги кусали разгоряченную работой кожу, но я почти перестал обращать на это внимание. Бриз упруго надувал поднятые паруса, фрегат мчался вперед, унося невесту и ее жениха в Северные Земли Аранга, о которых я не имел никакого представления.

Куда ни кинь взгляд, повсюду королевское судно окружали корабли армады Ванхарела, будто конвоиры сопровождали побежденное судно в свой порт.

Угроза вибрировала в воздухе, несмотря на мировое соглашение и грядущую пышную свадьбу, обязанную породнить два островных государства.

Солнце взошло, и я по примеру других моряков скинул рубаху, подставляя теплым лучам как можно больше кожи.

Боцман учил меня вязать морские узлы, когда вышколенными слугами был организован завтрак на корме, а вскоре

появился и сам король со свитой.

Ванхарел тоже заявился: одетый во все черное, будто ворон среди лебедей, готовящийся к кровавому пиршеству. Его солдаты обступали своего адмирала охранным полукругом, будто никто из них не верил в честность и порядочность хозяина корабля.

Король Ренвик и его дочь на фоне вражеских гостей выглядели хрупко и беззащитно, несмотря на то, что путешествовали на собственном судне.

Я отвлекся от работы, когда Велетта, с бледным и усталым лицом, кричащим о бессонной и неудобной ночи, присела на любезно выдвинутый Ванхарелом стул.

Принцесса повернула голову, будто почувствовала, что я смотрю на нее. И ее глаза широко распахнулись, когда она выделила меня среди других матросов.

Ярость, вспыхнувшая в моем сердце при виде приторной обходительности Ванхарела, сменилась ликованием в мгновение ока, как только я осознал, что Велетта меня узнала.

Принцесса не обманула, что будет помнить. Ее обещание оказалось не просто словами вежливости, и я не стал для нее

одним из тысячи обыкновенных горожан.

А вдруг, - призадумался я, в мечтах уплывая в далекие времена, когда принцесса становится моей, - в ее просьбе поставить подпись на шкатулке скрывалось нечто большее, чем просто каприз богатой девушки.

Вопрос короля и одновременно нетерпеливый окрик боцмана отвлекли наше с Велеттой внимание друг от друга.

Отвлеченно повторяя морской узел, я ощущал, что горит не только мое лицо, но и сердце, и парящая в облаках душа, и каждая самая отдаленная клеточка. Огню этому требовалось все больше места, он рос и ширился внутри, грозя снести все преграды и вырваться на свободу.

Но разве может любовь нанести такой вред?..

Глава 8. Клятва

~Велетта~

Я места себе не находила.

Положение, в котором оказались все мы – я, мой отец и все королевство, – могло быть и хуже, если бы Ренвик отказался от мирного соглашения. Но все же оно было невероятно шатким.

В порту Блэнхейма остались десять арангийских боевых кораблей, в то время как король покинул свой остров. Оставил его беззащитным перед десятками чужаков, поселившихся в городе и превративших портовые гостиницы в казармы.

Мой жених намеревался сыграть свадьбу на своей земле, грандиозную и показательную.

Но папа не позволил бы мне одной плыть в чужую страну. У него не было причин верить слову врага, поэтому он лично отправился со мной. Теперь он проследит, чтобы Ванхарел выполнил сделку и взял меня в законные жены по всем правилам.

Один наш флагманский корабль против сотни, которые нас окружали, – как капля против целого водопада.

И, хотя Ванхарел вел себя почти безупречно – с погрешностью на обычаи своей страны, которых я не понимала, а иногда и пугалась, – меня не оставляло беспокойство.

Да еще эта ужасная качка. Она мешала мне спать. Поскрипывание дерева постоянно будило. Непривычно узкая и слишком жесткая кровать не позволяла расслабиться.

Каюта казалась душной, а наклон судна туда-сюда вовсе не убаюкивал. Напротив, вызывал головокружение и желание выбраться на свежий воздух.

Что я в конце концов и сделала, когда половину второй ночи бессмысленно проворочалась в постели.

Прохладный соленый воздух тут же прогнал тошноту, когда я, вцепившись тонкими белыми пальцами в деревянный борт, уставилась на яркую лунную дорожку на мерцающей поверхности океана.

Я была здесь одна: рулевой на корме да дозорный где-то на мачте не считались свидетелями моей слабости.

Печально провожая глазами убегающие волны, отдаляющие меня от родного дома с каждой минутой, я чувствовала себя потерянной, слишком неожиданно и быстро лишившейся юности и счастливой беспечности.

Я знала, что когда-нибудь у меня появится муж, и скорее всего, это будет не тот, кого я люблю. Но все же надеялась, что терпеливый и заботливый отец позволит мне самой сделать выбор, говорить «да» или «нет» на предложение руки и сердца какого-нибудь милого принца из соседнего королевства.

Я представляла себе ежегодный турнир: десятки рыцарей, бьющихся за право покорить мое сердце. Я взираю на них со своей королевской ложи, и только тогда соглашаюсь стать женой, когда мое сердце дрогнет.

Но я никак не ожидала, что против собственной воли стану невестой завоевателя, говорящего на чуждом языке и выросшего в совсем другой культуре. Обладающего манерами и привычками, которые мне претили.

Я была не невестой, а взяткой, обеспечивающей мир. Как бездушная монета, которой расплатились.

Нелегко была смириться с новой судьбой, и все же я пыталась увидеть в Ванхареле что-то хорошее: любезность и воспитанность, например. Его очевидное восхищение моей красотой. Постоянные обещания большего.

Покачивая сердито головой, я вздохнула и отвернулась от моря, теперь рассеянно изучая палубу. Вытирая соленые брызги, попавшие на лицо, гнала из головы тяжелые думы о будущем, слишком мрачном и туманном, чтобы успокоиться.

Увы, когда я не думала о Ванхареле, все мои мысли упорно устремлялись к тому выделяющемуся среди толпы мастеру, каким-то чудом оказавшемуся вместе со мной на этом корабле.

Я не знала, что и думать. Он меня преследует? Как еще объяснить, что резчик по дереву стал матросом?

Но я была недостаточно этим напугана. Мои чувства были противоречивы.

К величайшему моему удивлению, вместо страха я испытывала затаенную радость, что рядом находится тот, кто олицетворяет мой дом. Тот, чью частичку я бережно везла с собой в преображенном куске дракайны, разглядывая каждый

вечер.

Это теплое чувство растекалось в груди: прямо как в детстве, когда я с замиранием сердца ждала от отца подарка в честь дня своего рождения или большого праздника на площади, приезда каких-нибудь важных, знакомых гостей...

Это чувство было странным, неуместным, необъяснимым, но, абсолютно точно, приятным. Как предвкушение. Как ожидание какого-то волшебства.

Присутствие Дархэма на корабле должно было что-то значить! Я не искала ответов сознательно, но мое сердце будто само по себе верило в неслучайность. Оно стучало. Быстро и взволнованно, предчувствуя важные перемены.

Я заметила сбоку движение и с изумлением обнаружила, что на палубе уже не одна. Тот, кто только что прочно занимал мои мысли, тоже был здесь. И, точно как я минуту назад, смотрел на водную гладь, сжимая сильными пальцами корабельный борт.

Обнаженный по пояс молодой матрос теперь еще больше отличался от всех других людей. Одежда скрывала массу несомненных достоинств.

Мышцы на его руках и груди были необыкновенно могучими и красивыми, как у атланта или даже у олимпийского бога. Волнистые русые волосы чуть ниже плеч развевались на ветру, подчеркивая волевые скулы и крепкую шею.

Еще вчерашним утром появление Дархэма поразило меня до глубины души, когда я увидела его среди других матросов.

Но теперь... теперь у меня возникло невозможное ощущение, будто наши судьбы тесно переплетены. Морское путешествие – лишь начало пути, который мы пройдем вместе.

Свет луны, отраженный от поверхности воды, мерцанием озарял напряженное лицо мужчины, будто его одолевали не менее масштабные мысли, чем меня, принцессу. И тогда я поняла, что именно так привлекает меня в молодом мастере: это был явный диссонанс между его положением и манерами.

Дархэм был загадкой. Стать воина и властность короля против более чем скромного происхождения. Чересчур умный и проницательный взгляд для обыкновенного сына столяра. Отсутствие пресмыкательства и неукротимая воля к победе, присущая вовсе не простолюдину.

Я попыталась ускользнуть или хотя бы слиться с темной, но было поздно: Дархэм меня заметил. То ли услышал взволнованное дыхание, то ли заметил колыхание на ветру подола светлого платья.

Я даже и помыслить не могла того, что произойдет потом: как мало понадобится мужчине времени, чтобы принять решение, сделать несколько быстрых шагов и оказаться прямо передо мной. Так близко, что я ощутила кожей жар его великолепного тела.

Задохнувшись от волнения, я потрясенно смотрела снизу вверх на самоуверенного матроса, посмеявшегося настолько дерзко повести себя со своей принцессой.

Все разумные мысли покинули голову, обнажив мою беззащитность перед решительностью и внутренней силой мужчины.

- Принцесса... - выдохнул он напряженно, будто ему стоило больших усилий остановить себя.

- Как ты оказался на борту? – спохватилась я, вынужденная отступить на шаг под обжигающим, слишком пристальным, проникающим в самую душу взором властного красавца.

В ночной мгле казалось, будто от его кожи исходит свет. Словно в его венах горел огонь, таким он был горячим и метафорически, и буквально.

- Это была моя судьба, - удивленно признал Дархэм, показывая тем самым еще одну достойную черту, отличающую его других от мужчин, на сей раз – от напыщенных и лицемерных принцев: простоту и честность. - Я должен был последовать за тобой. С тех пор как увидел тебя в мастерской, я ловил каждый взгляд, и ты, Велетта, щедро меня ими награждала...

- Я? Награждала?.. – пролепетала я и залилась пунцовой краской, невольно приложив ладонь к часто вздымающейся груди.

Теперь я была напугана. Нет, очень смущена. Но еще не настолько, чтобы позвать охрану или убежать в каюту. Слова мастера застали меня врасплох, вызывая неспособность действовать верно, в соответствии с правилами этикета и воспитанием.

- Я тоже чувствую это, - прошептал Дархэм, заметив мой жест и тут же положив руку напротив собственного сердца, бьющего в грудную клетку изнутри так сильно, что я могла

разглядеть пульсацию вен невооруженным глазом.

Я должна была испытывать ужас и злость. Может, страх. Строго осудить невоспитанного матроса за его поведение и напомнить, что я все еще его принцесса, а он мой подданный.

Но я испытывала не это. Да, присутствовал страх, но не за себя, не за то, что Дархэм может сделать мне что-то плохое. Я боялась саму себя, своих странных и неприемлемых чувств, необъяснимого волнения от близости потрясающего мужчины, пусть он и не высокородный принц.

Вместо страха и гнева я ощущала только растущий трепет. Вместо обязанности сбежать – ожидала дальнейших действий и слов. Как мотылек, летела на чарующий и опасный огонек.

- Что ты себе позволяешь! - пробормотала лишь это, отступая еще на один шаг, но уперлась спиной в преграду и вынужденно остановилась.

Испуганно отвела глаза, разрывая притягательный контакт глаз, и меня настигло крошечное отрезвление. Это что такое он сказал? Неотесанный нахал, посмел намекнуть дочери короля, что она его намеренно завлекала?!

Но любые слова обвинения застревали в горле: я все еще не ушла, не закричала и не пообещала сурово наказать наглеца. Вместо этого я жаждала услышать продолжение. Какое-нибудь еще приятное признание, от которого становилось внутри теплей.

- У меня есть кое-что для тебя, - спохватился вдруг Дархэм и вытащил из кармана припрятанное сокровище, протянув его мне на ладони.

Робко подняв взор, я обнаружила маленькую фигурку единорога – известного оберега от несчастий. Настолько искусно вырезанного из каштана, что он был словно живой.

Но меня поразила не столько идеальность формы, точность деталей и гладкость дерева, а то, что Дархэм делает мне подарок.

Я должна была, безусловно, бежать отсюда без оглядки. А еще попросить отца сурово наказать его.

Но я снова наплевала на правила. Единорог был настолько хорош, что не мог оставить меня равнодушной и легко разбил броню воспитания.

Смущенная вконец, перепуганная, но восхищенная, я

неуверенно протянула руку и забрала прекрасный дар. Хотя от законного жениха не приняла даже цветок – намного меньшее по значимости подношение.

Я была безнадежна. Кажется, совершенно пропала.

- Я клянусь, - горячо прошептал Дархэм, хватая мою ладонь в ту же секунду, как мои пальцы сомкнулись вокруг деревянной фигурки.

Ахнув, я потрясенно уставилась в пронзительные глаза мужчины, в которых все сильнее разгоралось ярко-синее пламя. Сделала всего одну попытку отнять руку, но замерла, когда поняла, что попала в несокрушимый капкан. В котором, вопреки отчаянным воплям разума, мне было приятно, а не страшно находиться.

Горячая кожа матроса согревала, тепло растекалось по венам будто пьянящая река, полностью лишая воли и рассудка. Словно в тумане я слышала дальнейшие слова.

- Клянусь, что избавлю тебя от навязанного жениха. Ты не пробудешь его женой долго, я вызову его на турнире и убью. Ты снова будешь свободна.

Мое несчастное сердце затрепетало от ответного чувства.

Как будто Дархэм обещал вернуть мне самое-самое дорогое: счастливое время юности, которую Ванхарел у меня украл.

- Глупый, глупый мастер, - польщенно улыбнулась я и уперлась свободной рукой в могучую грудь, защищаясь непроизвольно от смущающей близости этого огромного, храброго, умеющего поразить мужчины.

Словно настоящий огонь опалил мою ладонь, столь горяча оказалась обнаженная кожа, а сердце мужчины ударило с той стороны как в барабан, отозвавшись на мое несмелое прикосновение подобно живому существу, запертому внутри.

- С чего ты взял, что мне это нужно?..

- Ты хочешь замуж за этого чужеземца?! – воскликнул Дар в искреннем потрясении.

Меня охватила горькая тоска, когда в голосе мужчины прозвучало отчетливое разочарование.

С удивлением я поймала себя на желании сохранить его преданность, не порвать возникшую между нами тонкую связь. Словно... его привязанность ко мне в одночасье стала мне важна.

Горячие обещания мужчины подарили зыбкую надежду на возвращение к прежней жизни, которой я заплатила за мир. Искушение освободиться от ненавистного брака было столь же сладким, сколь в корне неверным.

Как бы ни было велико желание вернуться домой, но предложение резчика походило на заговор. Мое замужество должно спасти Блэнхейм от войны, но если Дархэм убьет Ванхарела, месть чужеземцев будет страшной.

Я не могла этого допустить. Должна была забыть о себе и принять груз ответственности за королевство.

- Ты молод, Дархэм, и так далек от политических интриг, - вздохнула я грустно. - Твое искреннее желание спасти свою принцессу, безусловно, льстит мне. И я не забуду того, что ты хотел сделать для меня. Но, прошу, ты должен отступить.

Я подняла глаза, мучительно разглядывая мужественное, исполненное решимости лицо матроса в бледном свете луны. Уже без удивления поймала себя на мысли, что, будь он знатного рода, я легко представила бы его рядом с собой.

Когда б начался турнир, я точно не обошла бы вниманием его высокую и статную фигуру, облаченную в доспехи.

Его удивительные синие глаза, полные нерастрченного огня, запали бы мне в душу сразу, как только я б их поближе разглядела.

На троне он смотрелся бы не хуже моего мудрого отца, а в качестве мужа был бы добрым и сильным защитником. Не развращенным властью и богатством принцем, которому все досталось легко, а настоящим мужчиной, заработавшим высокий пост собственным потом и трудом.

Но он оставался ремесленником, а мне была уготована роль будущей королевы. С простым резчиком по дереву нам никогда не быть вместе, даже если представить, что он мог бы повысить свое положение на турнире и претендовать на мою руку и сердце.

Случись оно так, папа нашел бы тысячу отговорок, но не позволил сыну столяра занять трон и не отдал бы ему единственную дочь.

- Моя судьба мне не принадлежит, Дархэм, и ты должен с этим смириться, как сделала это я. Ванхарел будет хорошим мужем, а Блэнхейм благодаря этому браку и дальше сможет процветать. Так нужно. Оставь попытки.

Дархэм смотрел на меня пристально и неотрывно, будто

не сразу поверил моим словам.

Я не отвела взгляд, не отступила, и это стало ему твердым ответом.

- Да будет так, - внезапно согласился он.

Облегчение, что я спасла жизнь моему прекрасному тайному поклоннику, смешалось с тоской.

- Это плавание – не твоя судьба, - искренне надеялась я, что помогаю храбрецу избежать худшей участи. Ему необязательно губить свою жизнь ради призрачной цели. - Возвращайся домой с первым же кораблем и делай то, что хорошо умеешь. Не заставляй отца ждать тебя слишком долго. И если я когда-то вернусь, то надеюсь еще увидеть созданную тобой красоту.

Хмурясь, Дархэм упрямо покачивал головой все время, пока я убеждала его. Большая ладонь внезапно накрыла мою маленькую, все еще лежащую поверх горячей груди, и моя вдохновенная тирада прервалась на полуслове.

Обе мои ладони теперь оказались во власти могучего красавца, и едва обретенная твердость духа растаяла как дым. Как и в первый раз, я потрясенно замолкла, испуганно глядя

снизу вверх и не понимая, чего ожидать.

- Я не намерен возвращаться домой, мой путь лежит туда же, куда и твой, - проговорил Дархэм так жестко, словно давал клятву, и обжигающий жар его прикосновения опять зажег в моих венах ответный огонь.

На этот раз казалось, что этот огонь добрался до самого сердца. Оно забилось так же быстро, сильно и ритмично, как сердце Дархэма, соединенное с ним прочным, необъяснимым волшебством.

- Я останусь с тобой и буду присматривать за твоим скользким женихом: пусть молится всем богам, чтоб из твоих прекрасных глаз не упало ни единой слезинки. Он будет мужем? Что ж, я стану твоим слугой или воином, кем пожелаешь. Ты же хотела забрать с собой частичку Блэнхейма? Я целиком гораздо лучше подпиши на дне шкатулки!

Я учащенно задышала, чувствуя в глазах колючие слезы. Я была растеряна, растрогана... и покорена до самой глубины души.

Может, и было правильнее прогнать заносчивого резчика, но как же мне теперь избежать соблазна иметь рядом преданного друга?

Оказавшись в незнакомой стране, я останусь там одна-одинешенька после того как отец вернется в Блэнхейм. Мне не мешает слуга, или личный телохранитель, или кто угодно, готовый утешить и поддержать в трудные времена.

Я была юна и не искушена, и понятия не имела, что ждет меня в будущем. Страшно оказаться вдали от отца и родного дома, от привычных и дорогих сердцу вещей.

Дархэм предлагал всего себя. Стать мне опорой, которую у меня отняли, буквально выбили привычную почву из-под ног.

Нет, я не в силах была прогнать его, не сейчас. Все, чего мне хотелось теперь, это разрыдаться на его широкой груди, приняв клятву верности.

Конечно, воспитание не позволило мне поступить так опрометчиво. Сморгнув влагу, я смогла просто кивнуть.

- Ты, правда, этого хочешь?

- Быть рядом, да! – воскликнул Дархэм, и я ему поверила, потому что в ответ на обещание его сердце ударило прямо в мою ладонь, посылая согревающее тепло.

- Да будет так.

Глава 9. Заговор

~Дархэм~

Я не спал. Меня одолевало видение: прекрасные глаза Велетты – цвета августовского моря – напротив. Так близко, что я тону в их глубине, теряю голову. Хрупкие продрогшие ладошки в моих руках и признания, на которые я отважился. И ее согласие.

Я никак не мог поверить в то, что случившееся лунной ночью – не сон.

Решаясь сесть на корабль и уплыть в абсолютную неизвестность, я мог лишь надеяться, что со временем завоюю доверие принцессы. Но никак не ожидал, что вместо сурового наказания за дерзость и недопустимую развязность заслужу ее расположение и приязнь.

Она так смотрела на меня там, на палубе... Нужно было выкинуть из головы мысли о взаимности, но я никак не мог теперь избавиться от чувства, будто принцесса тоже испытывает тягу ко мне.

Будь я ей неприятен, она не стала бы меня даже слушать и

уж тем более не позволила безнаказанно коснуться ее руки, удерживать так долго ладонь. Она бы закричала, позвала на помощь охрану.

Но вместо этого она учащенно дышала, в широко распахнутых глазах читалось ожидание, а не страх.

Терзаемый надеждой, пустившей корни очень глубоко, я сомкнул веки только к утру.

Следующий день выдался тяжелым, потому что я постоянно искал глазами Велетту вместо того, чтобы выполнять указания боцмана и учиться морскому делу.

Мой внимательный взгляд сам собой обращался к точечной фигурке, облаченной в белое платье, усыпанное золотыми узорами. Я следил за изящными жестами принцессы, держащей вилку или бокал, за чувственным движением полных губ, когда девушка говорила.

Ни единожды я ловил на себе ответный взор, и тогда звуки на время переставали существовать. В эти мгновения я чувствовал себя обнадеженным и счастливым.

В другой раз, даже когда Велетта не смотрела на меня, ее щеки вдруг наливались краской смущения, а палец начинал

накручивать прядь светлых волос. И тогда я не мог избавиться от наваждения, что принцесса сквозь расстояние чувствует мою страсть, и она ее волнует.

День выдался сложным еще и потому, что треклятый Ванхарел оказался наблюдательным и ревнивым.

Я упорно не обращал внимание на арангийца, чтобы не потерять присутствия духа – иначе находился бы в ярости день напролет.

Зато Ванхарел, судя по всему, очень даже заметил, что его невеста переглядывается с каким-то матросом.

Ночью, после того как заново был перетянут такелаж с учетом переменчивого ветра, и дневная смена отправилась спать, я остался, чтобы посмотреть на медленно встающую луну в надежде, что к полуночи принцесса снова выйдет подышать свежим воздухом.

Все произошло стремительно, и даже имея отличный слух, я не заметил засаду, слишком был поглощен мечтами.

На горло внезапно опустилась веревка, и я оказался притянут к мачте, обездвижен охранниками Ванхарела, лихо связавшими мои запястья за спиной. Пытаясь порвать путы

рывком, я только сделал себе хуже, затянув петли ту же и чуть не удушив самого себя.

С ненавистью смотрел я на маленького рыжеволосого человека, медленно подходившего ближе и вынужденного за-
дирать голову, чтобы смотреть мне в лицо.

Рыча как связанный, но не побежденный зверь, я не мог сказать ему ничего членораздельного, лишь пообещать взглядом, что убью, стоит мне только освободиться.

- Ты кто? – прошипел Ванхарел, прижав к моему горлу шпагу – странную, непохожую на оружие Блэнхейма, металлическую штуквину, слишком тонкую, чтобы напугать даже ребенка. Однако твердую и острую, как кинжал, потому что она весьма чувствительно давила на мою кожу.

Как жаль, что любимый топор остался в трюме, я мог бы покончить с Ванхарелом прямо сегодня, здесь. Да и со всей его свитой тоже, сбросив их за борт.

Но вокруг в черной дали двигалась вместе с нами армада кораблей, и если я нападу на адмирала, то развяжу войну, которой как раз и пытались не допустить Ренвик с Велеттой.

- Дархэм, сын столяра, лесоруб, - прохрипел я, привычно

подавляя свой гнев, которому нельзя было дать ходу.

Мое время еще не пришло, но позже у меня еще будет шанс отомстить за унижение рыжеусому завоевателю.

- Кем ты был при дворе в Блэнхейме? Говори! – зашипел Ванхарел и щелкнул пальцами, в которых тут же вспыхнул темный зеленоватый огонь, и выглядел он отвратительно угрожающим. – Принцесса знает тебя! Кем ты ей приходился?

Зеленое пламя больно ударило по глазам, и я почувствовал влияние темной магии на мои мысли, но не так, как Ванхарел, вероятно, рассчитывал. Он думал, матрос от страха наложит в штаны и выложит всю правду, лишь бы спасти шкуру.

Вместо этого к моей голове прилила мощная огненная волна, выжгла все на своем пути и очистила от чуждого давления затуманенный разум.

- Никем, - мрачно изрек я, изо всех сил пытаюсь усмирить гордыню и удержать распирающую силу, заставляющую мышцы наливаться энергией.

- Интересно... - поднял брови рыжеволосый арангиец, ко-

гда зеленый свет в его руке потух, будто свеча, чье пламя гасит внезапное дуновение ветра.

Я не знал, я ли это сделал. Все произошло случайно, я был немного занят. Жар расходился от сердца, кожа вспотела, и я боролся за контроль над непокорным телом, жаждущим немедленного сражения.

Вот почему мне нельзя было попадать в ситуации, подобные этой. Ни в коем случае недопустимо выходить из себя.

Монстр, сидящий внутри, только и ждал повода, чтобы вырваться на свободу и разрушить мир. Монстр, над которым я терял власть, если моей жизни угрожал кто-то или что-то.

- Хотел повидать море, - выдумал я себе оправдание. - А принцесса – красавица, я всего лишь ее верный слуга, восхищающийся на расстоянии. На кого еще смотреть-то здесь, на матросов?

Мой ответ неожиданно удовлетворил Ванхарела, и он понимающе усмехнулся.

- Я буду следить за тобой, сын столяра, - угрожающе приподнялся он на носочки, чтобы казаться выше, и сильнее на-

давил лезвием на горло, так что я отчетливо ощутил железистый запах крови. – Еще раз увижу, что смотришь *так* на принцессу – пушу на корм рыбам! Ты понял меня?

- Да.

Ванхарел сделал знак, и стража приспустила петлю, но не сняла путы. Теперь я мог дышать, но по-прежнему был лишен подвижности.

- Ночь у столба охладит твой пыл, слуга, - назидательно произнес усатый чужеземец, отняв лезвие, но нарочито постучав острием по моей груди прямо напротив сердца. – Уж больно ты могуч для блэнхеймца.

И арангийцы покинули палубу, бросив меня позорно связанным к мачте.

Наверняка обидчик рассчитывал, что никто не придет мне на помощь. А если даже матросы и увидят меня связанным, побоятся или не смогут освободить.

Веревка, стягивающая запястья, точно была непростой: я чувствовал, когда проверял прочность пут, как она затяги-

вається и жжється, стоить пошевелитися. А значить, треклятий маг заколдовав її.

Да только он не учел моей нечеловеческой мощи, которую я обычно тщательно прятал и пределов которой никогда не проверял. Смог же я противодействовать его чарам, когда они проникли мне в голову. Зачарованная веревка по сравнению с ними – сущий пустяк.

Мне следовало бы выучить урок и подождать утра, сохранив образ простого моряка, самого обычного человека, не обладающего никакими сверхъестественными способностями. Да только я был не из тех, кто покорно примет наказание, тем более от врага.

Зажмурив глаза, я представил, что к моим запястьям устремляется жар. Дождался, когда запахнет паленой тканью, и дернул истончившиеся, оплавленные веревки. Они порвались почти без усилий, оставив на моих запястьях красные следы, которые исчезли через мгновение.

Но выспаться этой ночью мне было не суждено. Ворочаясь с боку на бок на слишком узкой койке до самого рассвета, я трясся от ненависти и острой жажды возмездия. А до турнира теперь было так далеко...

В мыслях я снова и снова убивал Ванхарела, придумывая один способ за другим. Быстрая смерть: с помощью моего топора. Медленная: сбросить его за борт и смотреть, сколько он сможет продержаться.

Но самое огромное удовольствие я получал, представляя его тонкую шею в своих руках и видя страх в маленьких темных глазах, когда он понимал, что для победы над ним мне не понадобится ни оружие, ни магия.

Настанет время, и мы обязательно сразимся ни на жизнь, а на смерть, теперь я был в этом абсолютно уверен! Дело не только в принцессе, теперь это стало моей личной вендеттой. Нужно лишь набраться терпения.

Мерная качка и протяжный скрип просмоленных рей, шелест разрезаемой судном волны, запах пота и храп матросов, спящих вповалку, окружал меня каждую ночь, то убаюкивая, то порой мешая.

К этому фону я уже привык. Поэтому удивился, услышав нечто выбивающееся из общего ритма: хрум-плюх-шшшш, хрум-плюх-шшшш. Это было ни что иное, как мягкий плеск весел.

Будь я обычным человеком, ни за что не различил бы этих

звуков сквозь толстые переборки корабля. Но я не был человеком.

Подойдя к борту, я приложил ухо к влажному дереву, позволяя моим способностям увеличиться, но не выпуская их из клетки. Переборки будто исчезли: бах, и мне стали доступны все звуки, даже самые отдаленные.

Один из голосов я не спутал бы ни с каким другим после сегодняшнего унижения. Чужеземного языка я не знал, но несложно было догадаться, что готовится заговор. Иначе зачем бы прибывшие на лодке говорили так тихо и незаметно рассеивались бы в глубине корабля без ведома законного короля?

Невидимой тенью я следовал за Ванхарелом, закрыв глаза и весь обратившись в слух. Я должен был разобраться, что задумал арангиец, до того, как он начнет действовать кому-то во вред.

- Только три капли, не больше, Фетте.

- И я стану главным поваром в вашем королевстве? – Узнав голос младшего кока, я прищурился в неверии.

- И получишь лучший дом Блэнхейма в придачу, - разда-

лось одобрительное похлопывание по плечу.

Ванхарел подкупил слабовольного мальчишку сладкими обещаниями, легко отыскав предателя среди недооцененных слуг Ренвика.

- А что будет, если накапать десять капель, господин? Я плохо считаю. Что если кто-то увидит, как я использую эти капли?

- Если ты ошибешься с количеством, король умрет сразу, и *вот тогда* все поймут, что виновен ты. А если он заболеет спустя несколько дней, никто не заподозрит, что дело в отраве. Король стар, мало ли какой недуг может с ним приключиться в любой момент.

- Я все еще не уверен... Ренвик был так добр ко мне...

- Иди сюда, это придаст тебе храбрости. – Я услышал звуки борьбы и глотков, как будто Ванхарел или его подручный заставил младшего кока что-то выпить. – А еще не позволит болтать лишнее, если поймают, - добавил арангиец очень тихо.

Значит, без чар дело не обошлось: кок сомневался, не хотел становиться предателем, но маг его заставил. У поварен-

ка не было шансов.

- Почему вы не убьете его сами?

- У меня нет доступа к посуде. Вдруг отравленную воду подадут не только королю, но и принцессе? А еще хуже, если кто-то увидит меня перед этим на камбузе. Я враг, меня сразу обвинят в покушении, начнется битва, и мне придется перебить всех на этом корабле. Принцесса меня возненавидит. Таким ты видишь будущее Блэнхейма? С завоевателем во главе и народом, раздираемым яростью?

- Но у вас столько кораблей, господин, большое войско, - задумчиво рассудил кок. – Вы можете стереть наш остров с лица земли, зачем такие сложности?

- Милый Фетте, ты еще так юн и наивен. Запомни: когда есть способ выиграть войну хитростью, не стоит вступать в бой и умножать жертвы. Северные Земли очень далеко, безутешная Велетта станет моей женой без промедления и этого бесполезного, долгого путешествия, я законно займу трон ее отца прямо сейчас, а не через десяток лет, когда немощь одолеет старого короля. Жители Блэнхейма будут видеть во мне спасителя, а не завоевателя. А ты, мой друг, получишь все, что захочешь. Сделай дело хорошо, и я осыплю тебя золотыми монетами.

Я не мог больше ждать, должен был уберечь отца Велетты от неминуемой смерти. Освободив любимый топор от тряпицы, бросился спасать короля.

Нужно рассказать о коварном замысле Ванхарела до того, как взойдет солнце и вынесут отравленную воду к столу.

Глава 10. Коварство

~Велетта~

Одевшись к завтраку, я приводила в порядок прическу, когда за дверью раздались шум и удары.

Обычно я и носа не высунула бы при звуке бряцанья оружия, но голос зовущего меня по имени мужчины узнала мгновенно.

- Велетта! – кричал он так, словно это вопрос жизни и смерти. – Велетта, быстрее!

Это был Дархэм, чье обещание не выходило у меня из головы после нашего ночного разговора. Чей обнаженный торс, фактурный и блестящий от пота, постоянно увлекал мой взор, выделяясь среди других моряков. Смушал и притягивал, теперь пробуждая воспоминания о том, как я его касалась.

Что он делает здесь? Как осмелился заявиться прямо к моей спальне, да еще и напасть на охрану? Что за срочность заставила его поступить так?

Распахнув двери, я потрясенно застыла: шестеро моих стражей готовились к бою с мечами наперевес, а перед ними возвышался Дархэм с бешеным лицом и растрепавшимися длинными волосами.

У его ног лежали два мертвых воина в черных одеждах – стражники из свиты Ванхарела, которых жених приставил ко мне в качестве охраны. Из рассеченных голов растекалась кровь, в руках у резчика блестел огромный топор наизготовку, древко было длиной с руку, а лезвие – размером с голову орка.

- Принцесса, прикажите вашей охране не трогать меня, и я не трону их, - предупредил Дархэм. – Ваш отец в опасности! На корабле заговор!

- Впустите его, – быстро распорядилась я, тревожась за здоровье отца, в последние дни постоянно жалующегося на головную боль и слабость.

Будучи опытным мореплавателем, он никогда прежде не страдал от морской болезни, и слова Дархэма могли дать неожиданное и пугающее объяснение его недомоганию.

- Опустите оружие, он верноподданный короля.

- Ванхарел задумал отравить Ренвика, - сообщил Дархэм, ворвавшись в мои покои и заняв почти все пространство в высоту и ширину.

Стража обеспокоенно толпилась за ним, но он не обращал на нее ровно никакого внимания.

- Он не собирался плыть в Аранг. Выманил Ренвика из города, чтобы избавиться от законного короля хитростью и занять трон Блэнхейма без боя. Женитьба – это только предлог. На самом деле он всегда хотел одного: покорить все свободные королевства своей воле, не важно, силой или подлостью.

- Но мы ведь и так ему подчинились... - растерянно выдохнула я, пытаюсь осознать всю глубину предательства этого лживого человека.

Моего будущего мужа, который и так вызывал во мне неприятие, а теперь оно перерастало в отвращение и ненависть.

- Недостаточно, - сердито покачал Дархэм головой. – Он хочет править сам или поставить своего наместника. И не желает ждать, когда трон освободится естественным образом. Прямо сейчас младший кок уже добавляет в напитки

Ренвика яд. Нужно спешить, принцесса! Любой глоток может стать для вашего отца последним!

- Как ты это узнал? – опустила я ладони на трясущиеся от ярости руки мужчины, все еще сжимающие древко топора.

Не замечая собственной злости, вышедшей из-под контроля, Дархэм вот-вот мог устроить в моей спальне погром, и я почувствовала, всей своей душой ощутила, что должна помочь ему успокоиться.

Он оказался страшен в гневе, и я сочувствовала тем, кто встанет у него на пути. Но в ярко-синих глазах пылало такое искреннее переживание за судьбу короля, что я не могла этому мужчине не верить.

Мое прикосновение возымело действие: Дархэм осекся на полуслове и выпустил из легких весь воздух, почти прекратив дрожать.

Его пылающий взгляд нашел мои глаза и уцепился за них, как за маяк.

- Подслушал, - прошипел вспыльчивый матрос чуть более сдержанно, с трудом овладевая дыханием. – Поднимайте всю стражу, Велетта, пока не стало поздно. Ночью прибыла лодка

с солдатами Ванхарела, они прячутся на корабле. Стоит вашему отцу испустить последний вздох, и чужеземец займет его место, подавив любое сопротивление.

- Это мы еще посмотрим, - озлобилась я и приказала стражникам собрать всех и быть наготове.

Трое бросились исполнять приказ, а мы с Дархэмом и остальными моими охранниками побежали на палубу, где на носу уже накрыли стол с первыми лучами утреннего солнца.

Ступени заблокировали воины Ванхарела в черных одеждах, и лишь меня одну они пустили бы к отцу, если бы я успела.

Мы опоздали: Ренвик и Ванхарел уже завтракали. С палубы мы видели только их головы: бледное лицо короля и хитрую усмешку князя, поднимающего бокал и предлагающего будущему тестю присоединиться.

- Папа, остановись! – крикнула я, но плеск волн и суeta на палубе заглушили мой отчаянный зов.

Матросы непонимающе поворачивали головы, бросали драить палубу и неуклюже расступались перед нашей процессией – слишком медленно, чтобы я успела добраться во-

время.

- О нет! – ужаснулась я, когда отец поднес бокал к губам, и рот Ванхарела искривился в торжествующей ухмылке.

- Поздно, - прохрипел Дархэм, решительно отодвинув меня в сторону.

Ловко раскрутив тяжеленный топор в руке, словно тот был легче перышка, он отправил оружие прямо, казалось, в голову Ренвику.

Я ахнула, наблюдая за лезвием, поблескивающим на солнце и приближающимся к королю с каждым витком. Гул потрясенных возгласов прокатился во все стороны, от стражников до матросов.

А затем бокал разбился, щедро обрызгав короля, князя и стол, а топор с гулкой вибрацией воткнулся в фок-мачту.

- Кто посмел?! – вскочил Ренвик, в бешенстве оглядывая людей, растерянно столпившихся на палубе.

Его взор сначала зацепился за высокую фигуру Дархэма, а затем обратился ко мне.

Все шокированно безмолвствовали, и наступившее затишье перед бурей вспорол лишь ядовитый голос Ванхарела.

- Ты! – изрыгнул он, испепеляя взглядом только лишь одного Дархэма, как будто тот был его личным врагом.

- Арангиец хотел отравить вас! – громко крикнул могучий защитник короля. – Фетте, ваш кок, был зачарован этим коварным магом, я собственными ушами слышал их разговор.

- Да как ты смеешь обвинять меня, грязный матрос! – взрычал Ванхарел, выхватывая шпагу и тыча наконечником в бросившего ему вызов наглеца. – За это оскорбление ты заплатишь жизнью!

Телохранители князя, как по команде, одновременно выхватили оружие и обступили хозяина, создав непроходимый барьер для любой угрозы извне.

Их расположение позволяло взять в кольцо и доверчивого Ренвика, но королевские стражники успели сделать это первыми, защищая правителя. Вытащили тяжелые мечи, по сравнению с тоненькими лезвиями арангийцев выглядевшие намного солиднее.

В мгновение ока ситуация переменилась, от мира перейдя

к звенящей в воздухе войне.

Откуда ни возьмись набежали еще арангийцы в черных боевых доспехах. Они заполонили всю палубу, угрожая и простым матросам, и мне с моими стражниками, но не предпринимали действий, ожидая сигнала к атаке от своего адмирала.

Именно в этот напряженный момент мои посланники выволокли на палубу младшего кока, умоляющего о пощаде, намереваясь вытрясти из него всю правду. Но он и двух слов не мог связать, мычал, будто ему отрезали язык.

- Ты же получил всё, что хотел! – непонимающе обратился Ренвик к Ванхарелу, когда ему передали крошечную бутылочку с желтоватой жидкостью, найденную в кармане предателя Фетте – тот самый яд.

- Не всё, - ухмыльнулся мой несостоявшийся черноусый жених, тыча остриём шпаги в сторону моего отца с явным намерением довести начатое до конца, раз уж не получилось вероломно отравить его. – Ты думал, что обхитрил меня, старик? Подсунул дочь и купил этим мир? Ты так хотел сохранить власть, что продал ради этого любимое дитя. Ты боялся открытого столкновения, потому что проиграл бы. Что ж, ты получил войну на своих условиях: коварство за коварство!

Мне нужен Блэнхейм! Не важно, взяли мы его штурмом или обманом!

- Ты выманил меня, и здесь я беззащитен... - прошептал мой побледневший отец, пока я шокировано осознавала обвинения Ванхарела.

- Не обольщайся, миролюбивый южанин, - усмехнулся арангиец, наступая на короля и его стражников с оружием наизготовку, - ты и в стенах своего города был от меня не больно-то защищен!

Первые удары металла о металл ознаменовали начало битвы.

Внезапно я оказалась окружена воинствующими мужчинами, с рычанием кидаящимися друг на друга. Звон скрепляющихся со всех сторон клинков и криков резал уши.

Эта война была проиграна еще в Блэнхейме, и я всегда знала, что единственный корабль Ренвика ничего не сможет сделать против армады, плывущей на расстоянии сотен локтей от него.

Когда капитаны заметят бойню на фрегате, они поспешат на помощь Ванхарелу, и все будет кончено.

Однако и без подмоги арангиец одержит верх над нашими стражниками: воины в черных доспехах все прибывали, и преданные матросы, бросающиеся на врага с ножами и гарпунами, падали замертво один за другим.

Я думала, что моя смерть от случайного удара будет неминуемой и быстрой. Зачем Ванхарелу брать меня в жены теперь, когда Блэнхейм и так его?

Однако Дархэм оказался невероятно быстрым и проворным для своих габаритов. Он отводил все удары, направленные на меня, даже самые неминуемые.

Каким-то чудом необыкновенный резчик раздобыл меч и теперь орудовал им направо и налево с такой невероятной силой и виртуозностью, что запросто валил одним ударом четверых. А когда те попадались под руку, то вовсе действовал кулаком, откидывая врагов легко, точно набитых соломой кукол.

Притом свободной рукой он ловко переставлял меня с места на место, защищая от нападений.

Очень скоро мы были оттеснены к деревянной лестнице, ведущей на нос. Расшвыривая по пути арангийцев, добра-

лись до короля, прячущегося за оставшимися тремя полуживыми стражниками, мужественно сражающимися против пятерых черных рыцарей и самого Ванхарела.

У них не было шанса. Но теперь к ним присоединился Дархэм. Выхватив свой топор из мачты, он раскрутил его наподобие пращи над головой так устрашающе, что арангийцы попятились.

Я бросилась к отцу, раненому в правую руку. Он все еще пытался сжимать меч и сражаться наравне с другими, но силы были на исходе: пусть яд и не убил его, однако даже маленького глотка оказалось достаточно, чтобы ослабить старика.

- Запритесь в своей каюте! – приказал мне Дархэм, показав на освободившийся путь к спасению, усеянный телами наших верных подданных. – Обеспечьте королю и принцессе безопасность, - прорычал он моим стражникам, давая понять, что справится один.

Я в ужасе, но и невольном восхищении неотрывно смотрела на могучего, потрясающего мужчину, возвышающегося над худощавыми арангийцами точно бог, спустившийся с Олимпа и дерущийся на стороне смертных.

Шестеро против одного, лучшие воины Ванхарела, защищенные металлическими доспехами, против обыкновенного сына столяра, не прикрытого даже рубахой.

И, однако, он уверенно отражал все атаки и уклонялся от коварных выпадов шпаг. Кожа его блестела от пота и крови – я надеялась, что чужой. А боевой крик был похож на рев взбешенного зверя.

Преодолевая ступени вместе с обессиленным отцом, я все время оборачивалась, каждый раз боясь потерять надежду и увидеть Дархэма поверженным, но раз за разом он брал верх над врагами. И с каждым взмахом топора, казалось, становился все массивнее и непобедимее.

Откуда в простом ремесленнике столько нечеловеческой силы? Как может он в одиночку выстоять против опытных бойцов, участников многолетней войны?

В последний раз я обернулась перед спасительной глубокой жилой отсека: на палубе все еще бились стражники и матросы против элитного отряда Ванхарела, который почти не поредел, а на носу продолжал махать топором мой рьяный защитник, бесстрашный как берсерк обладатель столь огромного количества непостижимых умений.

Всем сердцем я хотела верить, что он победит. И с каждой секундой моя вера крепла.

Но также я знала, что нам все равно не выстоять против целой армады, мужество и сила Дархэма не помогут нам спастись.

Ведя отца в покои, я отдавала себе отчет, что все южане сегодня умрут. В бою, сражаясь за свободу, мы погибнем бесславно, о нашем сопротивлении Блэнхейм даже не узнает, потому что Ванхарелу незачем оставлять свидетелей.

И все же, смерть в бою лучше безвольной капитуляции, к которой нас принудили. Сейчас я ни о чем не жалела.

Глава 11. Драконья кровь

~Дархэм~

Мы остались только вдвоем, биться один на один.

Вокруг нас – на палубе, корме и носу – лежали павшие воины, и только мы с Ванхарелом продолжали меряться силой, ни в чем не уступая друг другу.

Силой топора оказалось не одолеть ловкость шпаги и мастерство ее обладателя.

Как я ни старался, не мог ранить увертливого чужеземца, хотя лучшие его воины уже полегли. Даже когда мое лезвие достигало цели, оно просто отскакивало от вспыхивающих доспехов – ну, конечно же, они оказались заговорены, и обычным оружием магию было не пробить.

Один из арангийцев собирался поджечь парус – подать сигнал другим судам, – и лишился руки. Другой хотел затрубить в рог и рухнул без головы.

В конце концов Ванхарел остался в одиночестве. И все же его нельзя было назвать трусом: он сражался с легкой, иро-

ничной, почти восторженной улыбкой и давал мне достойный отпор.

- Где твои раны, сын столяра? – насмехался коварный маг, виртуозно маневрируя между телами и натянутыми брасами. – Куда они делись?

Прячась за парусами и реями, враг мог безнаказанно тыкать меня шпагой и сразу отступать, в то время как мне для размаха топора нужно было больше времени и места.

Неглубокие уколы от смешного оружия Ванхарела меня не волновали – в пылу сражения боли я не чувствовал.

Однако слова чужеземца меня задели: арангиец явно знал обо мне больше, чем кто-либо другой. Может быть даже больше, чем я сам.

- Где отметина на шее, которую я оставил тебе прошлой ночью? – провоцировал черноусый подлец, легко уклонившись от свистящего полета топора, разрезавшего пустой воздух.

На секунду я даже остановился, непроизвольно потрогав рукой шею, на которой должен был остаться вчерашний порез. Кожа была гладкой, а ухмылка противника – приводя-

щей в бешенство.

Зарывав, я бросился в атаку, мечтая стереть врага с лица земли, чтобы вместе с ним умерла моя тайна. Но опять не смог ранить умелого фехтовальщика, ставшего адмиралом целой армады явно не за красивые глазки, а за военные качества.

Топор каждый раз рассекал лишь воздух в том месте, где черноусый только что стоял. Зато мне доставалось металлическим острием при каждом выпаде противника.

Раны Ванхарел наносил мне со знанием дела – не смертельные, они имели другой эффект. По капле отнимали разум, пробуждали все скрытые резервы и постепенно превращали меня в зверя.

Не гнушался он и применения магии, но она разбивалась о мою кожу как о броню, не причиняя никакого вреда и почему-то заставляя моего врага победоносно ухмыляться.

Чем чаще я пропускал удары, тем быстрее мое тело регенерировало, стремясь защитить хрупкую оболочку хозяина. Чем больше я использовал свои тайные способности, тем быстрее терял человеческое обличие.

Непереносимый жар распирает изнутри, рвал грудную клетку и заставлял мышцы расти. Все реже я обращался к рассудку, все чаще – к слепой силе.

Отец не зря предупреждал меня избегать драк и любых сильных чувств, особенно ярости, способной отнять контроль и высвободить прячущееся в глубине чудовище.

«Нельзя тебе сражаться», - отчитывал Булвер встревоженно всякий раз, когда я возвращался домой другим, на полпальца выше или шире.

«Любовь погубит тебя, сынок, так же верно как и злость, ты должен всегда оставаться спокойным», - добавлял он, покачивая головой, когда мое сердце начинало быстрее биться.

И теперь его предсказания сбылись: я был в миге от того, от чего всю жизнь старательно бежал. Злобный Ванхарел точно знал, что делал, когда словами и ударами обнажал мой страшный секрет.

- Ты знаешь, что противостоять моей магии не может ни человек, ни зверь, ни существо? – во время смертельного поединка Ванхарел находил возможность поделиться своими домыслами, более чем удивительными. – На твоём месте я крепко призадумался бы над своим происхождением. Толь-

ко чистокровные чудища или королевских кровей обладают такими могучими защитными силами. Ты ведь понимаешь, что это значит?

- Чушь, - спорил я, мне было плевать, был ли я таким уникальным, каким увидел меня Ванхарел. Моими родителями стали Булвер и Инсика и других, бросивших ребенка умирать в лесу, я и знать не хотел.

Все это не имело значения, ведь я принял свою человеческую суть и не собирался выпускать на волю еще одно чудовище.

- Как тебе удалось прожить среди людей так долго и остаться неузнанным? Как же они раньше не догадались, слепцы, что приютили и вырастили собственного убийцу?

- Замолчи! – разъяренно прошипел я, тщетно пытаюсь достать провокатора, вспрыгнувшего на рею, где мне гораздо труднее станет наносить удары.

- Принцессе будет интересно узнать, кому она доверилась, - ухмыльнулся маг, забираясь все выше, где на тонких реях мое преимущество таяло.

- Я не зло! – оскорбился я, балансируя на одной ноге и

держась рукой за канаты.

Брови арангийца иронично взлетели вверх, удар шпаги по своему лицу я ощутил как издевательскую пощечину, и это было во сто крат хуже, чем получить глубокую рану.

В воздухе резко запахло вскипевшей кровью, марево жара взметнулось ввысь от моего вмиг вспотевшего тела. Рана мгновенно зажила, и я уже никак не мог остановить это – ярость делала меня безумным и неуправляемым.

- Ты не можешь вечно бегать от своей судьбы, глупец, - насмеялся Ванхарел, забираясь на самую неудобную верхнюю рею.

Бежать оттуда ему было уже некуда, но зато и мне придется несладко – сражаться, практически повиснув на одной ноге, с трудом удерживая равновесие из-за сильнейшей качки, было практически невозможно для новичка, ставшего матросом недавно.

- Как думаешь, твои друзья примут тебя, когда узнают, кто ты на самом деле? Сколько времени понадобится принцессе прежде, чем она отдаст приказ драконоборцам уничтожить тебя?

- Ты не посмеешь рассказать! – я замахнулся, но застыл, когда холодная сталь вошла по самую рукоять, пронзив насквозь мою грудную клетку.

Клинок врага скользнул совсем рядом с бешено стучащим сердцем, вышел под лопаткой, а затем был резко выдернут обратно, прервав мое дыхание.

Ванхарел заговаривал мне зубы неспроста: отвлекал внимание, чтобы нанести самый серьезный удар, как только я потеряю всяческий контроль и допущу ошибку.

- О, рассказывать мне не придется, и так все ясно, - ухмыльнулся хитрец, демонстрируя мне перепачканный клинок, с которого капала вниз дымящаяся и пузырящаяся кровь – неоспоримое доказательство моей нечеловеческой сути.

А затем указал острием вниз, и я увидел там Велетту, широко раскрытыми, наполненными ужасом глазами наблюдающую за поединком.

- Тебе конец, - пообещал я магу неминуемое возмездие, сжимая топор в руке.

- Ты мог бы одержать надо мной верх, - повиснув на самом

краешке реи, подлый арангиец выставил дымящееся лезвие шпаги далеко-далеко, над гладким простором воды, обманчиво безопасной и мирной. — Но сможешь ли ты победить *настоящее* морское чудовище, драконий выкормыш?

Пальцы разжались, и шпага полетела вниз, унося в океан мою последнюю надежду.

Ванхарел сделал шаг мимо реи, не дожидаясь удара топора, и спрыгнул вниз, но я не смотрел, разбился ли враг на смерть, ударившись о далекую палубу, или воспользовался магией, чтобы приземлиться плавно.

В ужасе и отчаянии я наблюдал, как океан принял дань.

С мягким всплеском окровавленный металл вошел в воду, вспоров спокойную гладь и утягивая ее воронкой на глубину. Тут же поднялся ветер. Соленые волны вздыбились и потемнели, выпустив приглушенный утробный рев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.